

Игуменья ФЕОФАНИЯ (Ложкина)

Киевский старец иеромонах Анемподист (Васильев)

Кострома
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. УРОЖЕНЕЦ БЕССАРАБИИ МОНАХ АНЕМПОДИСТ (ВАСИЛЬЕВ)

1.1. Родина отца Анемподиста.

1.2. Киево-Печерская Лавра – родная обитель киевского подвижника.

2. МОНАХ АНЕМПОДИСТ В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ (1917–1941 годы)

2.1. Братия Киево-Печерской Лавры после октябрьской революции.

2.2. Отец Анемподист и киевские монахи в годы лишений (1924–1941 годы).

3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ (1941–1961 годы)

3.1. Отец Анемподист и Киевская Лавра в годы немецкой оккупации и после освобождения (1941–1958 годы).

3.2. Закрытие монастыря в годы хрущевских гонений.

4. КИЕВСКИЙ СТАРЕЦ ИЕРОМОНАХ АНЕМПОДИСТ ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ ЛАВРЫ

4.1. Иеромонах Анемподист в пустынях кавказских гор.

4.2. «Старый батюшка» в селе Тетеринском.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в Успенской Тетеринской пустыни Нерехтского района Костромской области резко увеличился поток паломников и туристов, желающих познакомиться с великолепным убранством и замечательной историей Успенского храма обители. Для сохранения этого великолепия было положено множество трудов настоятелем архимандритом Поликарпом (Будаквой) и его духовным наставником киево-печерским старцем иеромонахом Анемподистом (Васильевым), погребенным у южной стены Успенского храма.

К могиле старца Анемподиста более сорока лет не зарастает народная тропа. Многие паломники рассказывают о благодатной помощи по молитвам почитаемого старца и о его явлениях. Становится актуальной задача исследования жизненного пути этого подвижника XX века, испытавшего на себе все тяготы

советских гонений на Православие и сохранившего чистоту монашеской жизни в различных условиях советского быта.

Актуальность работы обуславливается и тем, что до сего времени никто не занимался этой проблемой. Об иеромонахе Анемподисте появлялись скудные строчки в разных изданиях, о нем вспоминали многие известные подвижники Русской Православной Церкви и простые верующие, с которыми пересекался жизненный путь батюшки. Его знали очень многие, но о нем никто ничего не знал. Он был скрытным, неразговорчивым, молчальником, делателем непрестанной внутренней молитвы.

Изучение жизненного пути и становления личности батюшки Анемподиста (Васильева) по сути находится на начальном этапе, и данное исследование – первая работа об этом православном подвижнике.

Первые публикации про отца Анемподиста появились на страницах «Записок современного пустынножителя» кавказского отшельника монаха Меркурия (Попова). «Записки», имеющие силу документального свидетельства, являются сжатой хроникой тридцатичетырехлетней отшельнической жизни монаха-отшельника отца Меркурия (1919–1996) в горах Абхазии, где нашли убежище ищущие отшельничества, гонимые братья-пустынники, среди которых был восьмидесятилетний старец Анемподист.

В своей книге автор расширяет представление о гонениях на Православную Церковь во времена хрущевской «оттепели» и описывает удивительный мир отшельнического монашеского жительствова 60-х–70-х годов прошлого века в

горах недалеко от Сухуми. Он раскрывает истинную историю стойкой духовной и суровой физической борьбы за выживание группы монахов и монахинь, избравших подвижнический путь.

В начале 80-х годов «Записки» монаха Меркурия появились в среде православных. Их переписывали вручную и на пишущих машинках и передавали доверенным людям. Впервые записки отца Меркурия были изданы «Православным паломником» в 1998 году под названием «В горах Кавказа». Позже книга несколько раз переиздавалась. В «Записках современного пустынножителя» три главы (30–32) были посвящены старцу Анемподисту.

На Костромской земле сведения об иеромонахе Анемподисте (Васильеве) начал собирать назначенный в феврале 2005 году духовником Успенской Тетеринской пустыни иеромонах Антоний (Бутин). Им были опрошены все старожилы, найдена фотография отца Анемподиста, в Нерехтском отделении ЗАГС была получена информация о дате смерти «гражданина Никояна Васильевича Васильева», установлено ежегодное служение панихид на могиле старца в день его памяти.

Письменные воспоминания об отце Анемподисте оставила его духовная дочь Александра Ивановна Гущина (1916–2009). Многие воспоминания были записаны со слов бывшего регента тетеринской церкви Нины Александровны Никитиной (1931–2016), бывшей церковной старосты Александры Ивановны Муравьевой и Гущиной Ангелины Николаевны (1940 г.р.).

Результатом этих исследований стала публикация в мартовском номере «Костромских епархиальных ведомостей» за 2008 год очерков «Из истории Успенского храма села Тетеринского» в которых автор касался последнего этапа жизни старца Анемподиста на покое в селе Тетеринском.

Отрывок из этих очерков опубликовал издаваемый Донецкой митрополией (Украина) журнал «Живой родник» в № 9–10 за 2009 год.

Упомянется имя монаха Анемподиста в уникальных воспоминаниях о истории Киево-Печерской Лавры 20-х–40-х годов Ивана Николаевича Никодимова. Профессор И.Н. Никодимов (1895–1960) – выпускник юридического факультета Варшавского университета, доктор права, профессор гражданского права, автор многих научных работ, сотрудничал с Институтом по изучению СССР. Книга, предназначенная для широкого круга читателей, интересна для историков, в ней описываются история Киевской Лавры, жизнь ее братии, хозяйственный уклад, ее расцвет в православном государстве и уничтожение при безбожной власти. Автор в описываемый период жил на территории монастыря и как его юрисконсульт был непосредственным свидетелем многих описываемых событий.

В 2008 году вышел в свет сборник биографических сведений о братии Киево-Печерской Лавры [1]. Сборник составлен на основе сведений, собранных в центральных киевских и нескольких областных государственных архивах. Большая часть архивных материалов и исторических сведений публикуется впервые.

Как первый монах, пришедший в открывшийся при немецкой оккупации монастырь, на страницах этого сборника упоминается монах Анемподист (Васильев), но составитель не исследует его жизненный путь, так как из-за особенностей внутреннего склада отцу Анемподисту удалось стать неприметным, безмолвным подвижником, ускользнуть от пристального внимания гонителей Церкви и тем самым избежать арестов и репрессий.

К сожалению, в силу объективных обстоятельств на данный момент не удается получить сведения из украинских архивов. Дела многих монахов Киево-Печерской Лавры первой половины XX века хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины в городе Киеве (ЦГИАКУ) и Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАООУ), притом ЦГАООУ был переведен в Архив Службы безопасности Украины.

Автору данной работы удалось найти и записать воспоминания сподвижников батюшки Анемподиста. В настоящее время духовником Киево-Печерской Лавры и смотрителем Ближних пещер является архимандрит Авраамий (Куява), который стал преемником отца Анемподиста по должности.

В Успенском монастыре города Одессы подвизается архидиакон Пимен (Шувалов), разделявший со старцем Анемподистом трудности отшельнического служения в горах Кавказа. Его воспоминания были записаны в декабре 2015 года.

В ноябре 2015 года автор работы познакомилась с новоафонской монахиней Иоанной (Поветкиной, 1934–2016), бывшей амткельской отшельницей. Мать Иоанна поведала некоторые неизвестные стороны жизни кавказских отшельников, подвизавшихся под руководством глинского старца схиигумена Серафима (Романцова), в отшельнической общине которого был отец Анемподист.

Совокупность собранных сведений позволила составить представление о становлении характера и истории жизненного пути старца-иеромонаха Анемподиста, полной невзгод, лишений, духовных и физических подвигов во имя православной веры и Святой Церкви.

1. УРОЖЕНЕЦ БЕССАРАБИИ МОНАХ АНЕМПОДИСТ (ВАСИЛЬЕВ)

1.1. Родина отца Анемподиста.

Православная Церковь во всю историю своего бытия славилась подвижниками благочестия, старцами – руководителями в духовной жизни, святыми людьми. Одним из светильников веры во тьме богоотступничества, духовного оскудения и невежества XX столетия был иеромонах Анемподист (Васильев)

– подвижник иноческого благочестия и истинный аскет-затворник, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, непрестанным контролем над собой, духовным бодрствованием, созерцанием и молитвенным подвигом.

Сведений о детстве и юности отца Анемподиста сохранилось немного. Известно, что родился он в местечке Сокиряны (село Сикуян [2]) Хотинского уезда [3] в Бессарабии 30 июня (12 июля) 1884 года, в день Собора святых двенадцати апостолов, в молдавской крестьянской семье [4]. Родители будущего подвижника Василий и Мария были набожны и благочестивы. У отца Анемподиста была сестра Анастасия [5], с которой он долго сохранял общение и вел переписку [6]. День его рождения совпал с субботой накануне дня памяти преподобных Тихона, Василия и Никона Соколовских (XVI век; переходящее празднование в первое воскресенье после 29 июня) [7], поэтому при крещении мальчика назвали Никояном на молдавский лад, в честь преподобного Никона Соколовского.

Сокиряны расположены в долине речки Сокирянки, которая является правым притоком Днестра. Археологические исследования свидетельствуют, что поселение на этом месте было уже во второй половине XIV столетия [8]. Первое же известное письменное упоминание поселения Сокиряны встречается в грамоте господаря Молдавского княжества Иеремии Могилы от 27 марта 1604 года, которой он подтвердил боярину Теадору Боулу, сколько ему принадлежит сел. Из этого документа видно, что во второй половине XVI столе-

тия, до владения Теадора Боула, Сокиряны принадлежали потомкам боярина Матиаша Херци [9].

Первое упоминание о Сокирянах как о городе в письменных источниках относится к 1666 году [10], а само название овеяно легендами о «сокирянах» или «сокиринцах» – людях, которые, спасаясь от турецкого ига, пришли в днестровские леса. Беглецы начали расчищать заросли и ставить дома в сруб. Делали это с помощью топора. Стук топоров был слышен далеко, и те, кто его слышал, говорили: «Это сокиринцы поселения строят» [11]. Правда, до 1944 года поселение носило несколько иное название – Секуряны.

В 1840 году Сокиряны утратили статус города, поэтому отец Анемподист считал себя уроженцем села. Но в советское время Сокиряны в мае 1960 года стали поселком городского типа [12], а в 1966 году они снова стали городом и центром Сокирянского района Черновицкой области. Сокиряны – небольшой городок, раскинувшийся на двух горах, между которыми в ущелье протекает речка.

До Бухарестского мира 1812 года междуречье Днестра и Прута входило в состав Молдавского княжества, которое было вассалом Османской империи. С 1812 года эти земли вошли в состав Российской империи.

В древности речка Сокирянка называлась Валятуркулуй. В обрывистых берегах окрестных балок, впадающих в Днестр, находились каменоломни со старинными пещерными храмами [13]. С давних пор местные жители добывали в них камень-ракушечник и песок для постройки своих домов.

Окружающая природная среда была благоприятна для сельского хозяйства. Преобладающие виды почв окрестностей Сокирян – чернозем и суглинки, дающие хорошие урожаи; климат мягкий, с умеренной зимой и нежарким летом. Атмосферных осадков было достаточно для земледелия.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о Хотинском уезде повествуется: «Засухи в уезде не были известны, скорее даже избыток влажности; урожайными годами бывают годы сравнительно сухие. Полные неурожай бывают очень редко; хлеба развиваются прекрасно, фруктовые сады растут быстро без всякой поливки; виноградная лоза растет также скоро, но виноград по качеству плох и не всегда созревает; вследствие влажного и прохладного лета арбузы и дыни также плохого качества. Период произрастания возделываемых растений также значительно удлиняется, уборка хлеба и сенокосы затягиваются» [14].

В конце XIX века в Сокирянах проживало более трех тысяч человек. Основное население составляли царане – коренные сельские жители Молдовы. По «Положению 14 июля 1868 года» царане наделялись землей в постоянное пользование за повинности. Выкуп этой земли осуществлялся с некоторыми отступлениями на основе «Положения о выкупе» 19 февраля 1861 года [15]. Кроме царан, большую часть населения составляли евреи. В Сокирянах было два православных храма, 7 еврейских молитвенных домов, школа, кирпичный и винокурный завод и много лавок [16].

До Первой мировой войны Секуряны имели статус волостного центра и входили в Хотинский уезд, центр которого находился в 80 верстах в бессараб-

ском городе Хотине [17], с его известными древними княжеским замком, православной часовней и турецкой крепостью [18].

Несмотря на то, что семья Васильевых не была из привилегированного сословия, мальчик получил хорошее воспитание и образование. Из-за его спокойного нрава, скромности, тактичности, воздержанности в словах и склонности к уединению многие старались разглядеть в нем потомка благородных кровей [19]. В пользу сложившегося мнения Никон Васильев имел правильные черты лица без всякого изъяна, серые глаза с пронизательным взглядом и темно-русые волосы. От природы он был высок ростом, с правильной осанкой, крепок и вынослив, до старости имел твердую поступь. Свое начальное образование он получил в приходской школе, сохранив пожизненную любовь к чтению духовных книг, переписыванию для памяти всего полезного для души. До самой смерти отец Анемподист писал только чернильным пером «Рондо» или карандашом, не признавая авторучек [20].

С детства, как и многие его будущие монастырские сподвижники, Никон часто бывал в своей приходской церкви и любил молиться. В свободное от хозяйственных дел время его часто могли застать за чтением книг из приходской библиотеки. Зародившаяся в детском возрасте любовь к чтению духовных книг сохранялась в течение всей его жизни. На всех этапах последующего жизненного пути Никона Васильева многими отмечались его эрудиция, познание духовной литературы, глубокая рассудительность. Тяга к духовному чтению позволила ему собрать немалую библиотеку церковных изданий, которая всегда сопровождала этого подвижника.

С юных лет мальчик был чужд всякой праздности. Глубокая религиозность и желание посвятить себя служению Богу определили жизненный путь будущего подвижника. Когда Никон достиг юношеского возраста, родители стали замечать, что сын избегает шумных компаний и общества сверстников, часто молится, держит посты, большую часть времени проводит в уединении. Отец с матерью, будучи глубоко религиозны сами, не стали препятствовать выбору пути своего старшего сына и с благословением отпустили его в монастырь [21].

Собравшись в путь, благочестивый юноша направил свои стопы в древнюю столицу Святой Руси славный град Киев – мать городов русских, в обитель преподобных Антония и Феодосия Печерских.

1.2. Киево-Печерская Лавра – родная обитель киевского подвижника.

Киево-Печерская Лавра – одно из самых древних и драгоценных духовных сокровищ Киевской Руси, один из первых по времени основания монастырей в древнерусском государстве, третий удел Божией Матери.

Основателем пещерного затворничества на месте будущей обители летописец называет священника Илариона [22], выдающегося подвижника и богослова. При князе Ярославе Мудром в 1051 году, по избрании Илариона на Киевскую архиерейскую кафедру, пещерка в Берестове опустела.

В том же году в этой пещерке поселился вернувшийся с греческого Афона преподобный Антоний [23], положивший здесь начало монашескому делу. Благочестие святого Антония привлекло в его пещеру последователей, в числе которых был и преподобный Феодосий, ставший впоследствии настоятелем монастыря и первоначальником общежительного монашества на Руси [24]. Ученики Антония, поселившись подле него в пещере, ископали для себя новые кельи, соединив их коридорами. В пещерах были устроены и первые церкви.

Десять лет спустя, когда число братии достигло двенадцати человек, преподобный Антоний, всегда стремившийся к уединению, удалился на другой холм, где выкопал для себя новую пещеру [25]. Позже эти пещеры были названы Ближними или Антониевыми, а первоначальные – Дальними или Феодосиевыми. В стенах пещер находились кельи старцев-затворников, которые до конца своих дней несли подвиг смирения и молчания.

За тысячелетие здесь побывало несчетное количество паломников. С начала своего основания Киево-Печерский монастырь стал великим религиозным, духовным, культурным центром нашего народа.

Духовное влияние этой обители распространялось с древности далеко за пределы Киева. Основанная преподобным Антонием и устроенная преподобным Феодосием Киево-Печерская обитель сделалась образцом для других монастырей и рассадником просвещения на Руси. Из стен ее выходили знаменитые архипастыри, ревностные проповедники и известные писатели [26]. Печерский монастырь стал также центром подготовки православного духовен-

ства. Многие печерские монахи становились миссионерами и отправлялись проповедовать христианство в те земли, которые еще исповедовали язычество. В начале XIII века из числа монастырской братии в разные регионы Киевской Руси было назначено около 50 епископов [27].

Царское правительство предоставляло самым большим украинским монастырям, в частности и Лавре, жалованные грамоты, средства, земли и имения. В конце XVII – начале XVIII века феодально-крепостное хозяйство Лавры достигло наибольших размеров. К тому времени во владении монастыря было три города, семь местечек, 120 сел и хуторов с 56 тысячами крепостных. В вотчинах монастыря насчитывалось несколько сотен промышленных предприятий и торговых учреждений [28].

В состав Лавры в XIX веке входило 6 монастырей: Главный при Великой церкви, Больничный, Ближние пещеры, Дальние пещеры, Голосеевская пустынь и Китаева пустынь. Каждый из монастырей управлялся своим настоятелем, подчиненным священноархимандриту Лавры [29]. Все управление Лавры делилось на ряд ведомств.

21 мая 1884 года заместником Киево-Печерской Лавры был переведен из столичной Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандрит Ювеналий (Половцев).

Архимандрит Ювеналий не любил помпезности, но при этом уделял много внимания торжественности богослужений. Даже в преклонном возрасте он старался сам возглавлять все воскресные и праздничные службы. Митропо-

лит Мануил (Лемешевский), составитель биографий русских архиереев, дал ему следующую характеристику: «В продолжение многолетнего служения его Церкви он явил собой светильник, горевший ярким светом православия и благочестия. Владыку, сердце которого всегда горело любовью к Богу и ближним, особенно влекло к обездоленным, неимущим, вдовам и сиротам. Он был мудрым и заботливым начальником, отечески милостивым наставником и руководителем и высоким примером жизни, благоустроенной по правилам веры и благочестия христианского. Забота о просвещении юношества в духе благочестия была одной из самых дорогих и близких его сердцу забот» [30].

На смену отцу Ювеналию в 1893 году наместником Киево-Печерской Лавры был назначен архимандрит Сергей (Ланин), переведенный из Богородицкого Игрицкого монастыря Костромской епархии [31]. В истории Лавры архимандрит Сергей был знаменит установлением исключительной, образцовой богослужебной дисциплины. Благодаря ему богослужебные порядки Лавры сделались образцом для многих монастырей [32]. 2 июня 1896 года в Успенской церкви Киево-Печерской Лавры состоялась хиротония архимандрита Сергия во епископа Уманского, викария Киевской епархии, а 5 декабря 1903 года он был назначен архиепископом Ярославским и Ростовским [33].

Преемником отца Сергия в сентябре 1909 года стал архимандрит Амвросий (Булгаков), родившийся в 1845 года в Курской епархии в семье причетника. Он окончил Курское духовное училище [34], в 1864 году поступил в Глинскую пустынь, где принял постриг. По всей вероятности, послушание он про-

ходил при больнице обители, так как впоследствии стал широко известен как искусный врач [35]. Отец Амвросий внес в уклад Киево-Печерской Лавры более строгое подвижническое направление. Каждому насельнику он старался помочь в духовном возрастании, назначая послушания в соответствии со способностями [36].

1 февраля 1903 года митрополитом Киевским и Галицким, священноархимандритом Киево-Печерской Лавры стал высокопреосвященный Флавиан (Городецкий). Это был великий иерарх Русской Церкви. Он отличался крайней добротой и старался никому не отказывать в материальной помощи, в Киеве назначил даже определенные дни приема неимущих [37]. За его праведную жизнь перед кончиной [38] ему были возвещены в видении грядущие судьбы Русской Православной Церкви [39].

При управлении Киевской епархией этого старца-митрополита в Киевскую Успенскую Печерскую Лавру пришел бессарабский юноша Никон Васильев и был принят в число братии [40].

Приход молодого человека в монастырь не был редкостью. Среди братии, численность которой доходила до трех с половиной тысяч человек [41], находилось много земляков и сверстников Никона Васильева. В монастырь приходили по доброй воле, без принуждения или корысти. Основная масса лаврских насельников, не исключая членов духовного собора, состояла из простого народа – из крестьян и мещан [42]. В монастырь их влекли глубокая вера, религиозное чувство и мистический склад натуры.

Поступить в столь славную обитель, как Киево-Печерская Лавра, было нелегко [43]. Каждый желающий стать монахом должен был пройти определенный «искус» [44]. При желании остаться в монастыре в духовный собор Лавры подавалось прошение о зачислении в число временно-трудящихся. С благословения духовного собора кандидата зачисляли на определенную работу согласно с его способностями, знаниями и образованием. Спустя время [45] в зависимости от выполнения послушания, проявленных способностей и усердия такового принимали в число братии монастыря в качестве послушника. Послушникам давалось право носить подрясник [46], кожаный монастырский пояс и скуфью [47]. Если новый послушник не имел возможности приобрести все необходимое, то ему выдавалось нужное с монастырского склада, где хранились вещи умерших монахов [48].

Через некоторый срок пребывания в монастыре послушника постригали в рясофор [49]. Обычно рясофорному иноку нарекалось новое имя и давалось право носить рясу и клобук [50]. Инок облачался в неполные монашеские одежды, чтобы в ожидании принятия монашеских обетов утвердиться на избранном пути. Продвижение по ступеням монастырской иерархии проходило весьма медленно. Много лет должен был потрудиться послушник, чтобы удостоиться монашеского пострига [51]. После определенного промежутка времени, в течение которого к иноку присматривались и оценивали его как будущего монаха, он мог быть пострижен в монашество согласно своему прошению духовному собору Лавры.

При постриге в монашество обязательно менялось имя. Существует несколько традиций избрания монашеского имени: в честь святого, празднуемого в день пострига, или имя должно начинаться с той же буквы, что и имя, данное в крещении [52]. Выбор имени зависит от духовного руководства монастыря. Новое имя дается в знак того, что монах полностью отрекается от всего мирского, даже от своего мирского имени. Он покорно подчиняется воле духовного наставника, посвящая себя служению Богу.

Каждый послушник, вступая в стены обители, избирал себе духовника, который в дальнейшей жизни становился его духовным отцом и руководителем. В монастыре понятие «духовник» совпадало с понятием «старец». Каждый шаг жизни в монастыре для послушника, а затем монаха, должен был освящаться благословением духовника [53]. Послушание служило как бы волшебным словом в Лавре, «за послушание» совершались подвиги и решались самые трудные задачи [54].

Обычно в число братии монастыря принимали молодых холостяков в возрасте 20–30 лет. Среди сверстников Никона Васильева в число послушников были приняты в 1902 году Антоний Жиденко (1881 г.р) [55] и Архип Банко (1884 г.р.) [56], в 1904 году Константин Савинский [57], Власий Сова [58] и Филипп Пузыревич [59] (все 1883 г.р.). В 1907 году в число лаврской братии поступили Павел Сливинский [60] (1881 г.р.), Климент Кузык [61] (1882 г.р.) и Алексей Соболенко [62], Евгений Фон-Грумбков [63], Алексей Денисенко [64] и Стефан Каменский [65] (все 1883 г.р.), Алексей Кононский [66], Иван Семенов [67] и Дмитрий Кеба [68] (1884 г.р.), а также Стефан Якимовский

[69] (1885 г.р.). В следующем 1908 году обитель пополнили Сергей Сукач [70] и Василий Андреев [71] (1882 г.р.), Мефодий Степанюк-Максимюк [72] и Дмитрий Супрунюк [73] (1883 г.р.), Иосиф Осташевский [74] и Савва Ильчук [75] (1884 г.р.), Яков Таценко [76] (1888 г.р.) и многие другие.

Из одногодков Никона Васильева в Лавре подвизались уроженец Бессарабии Архип Банко (будущий иеромонах Александр) [77], Иосиф Осташевский (иеромонах Илиодор) [78], Иван Семенов (иеромонах Ипполит, священномученик) [79], Савва Ильчук (иеромонах Серафим) [80], Дмитрий Кеба (монах Дисан) [81], Георгий Калкатынжа (послушник) [82] и прочие.

Старцем для Никона Васильева стал духовник Киевской Лавры иеросхимонах Осия [83], отличавшийся своей строгой аскетической жизнью. Благословение старца являлось законом для послушника и должно было выполняться немедленно. Никону, как и многим его собратьям, такое послушание духовнику давалось нелегко. Трудно было побороть в себе дух независимости, гордости и критики. Зато впоследствии жизнь текла поразительно легко. Никакие сомнения не тревожили душу. Сознание, что разумная воля старца руководит поведением и ведет лучшими путями к лучшим целям, вносило в душу покой и равновесие: все было ясно и определено [84].

В Лавре каждый монах имел «поминание» со списком близких и знакомых, которых он поминал в своих молитвах. Эти поминания представляли собой небольшие книжки или наклеенные на картон листки бумаги. Писали поминания от руки, старательно изображая печатные литеры. «Печатали» – то есть писали – славянскими буквами или славянской вязью. Первые заглавные бук-

вы выводились красной тушью, а последующие – черной. Получалось четко и красиво. В Лавре были большие мастера, умевшие делать это с великим искусством [85].

Центральным входом в Киево-Печерскую Лавру являлись Святые ворота с древнейшей каменной Троицкой церковью. В нише Святых врат постоянно дежурил монах с кропилом и святой водой. Богомольцы, входя в Лавру, прикладывались к стоявшей на аналое иконе, и их окропляли святой водой [86].

Святые ворота вели в широкий лавский двор, по обеим сторонам которого были расположены два древних корпуса – благочиннический и еkkлесиарший. Корпуса были построены фундаментально. Каждая келья состояла из нескольких удобных просторных комнат [87]. Основная часть братии жила в более скромных условиях, в нескольких братских корпусах.

Даже в больших кельях благочиннического корпуса не полагалось плит для варки пищи. Монашествующие не приготавливали себе пищи по кельям, а пользовались лаврской кухней и трапезной [88].

Из-за большого числа монастырского населения и недостатка помещений временно-трудящиеся, послушники и некоторые монахи жили совместно по несколько человек в келье.

Основное убранство кельи составляли икона, аналой, диван или кровать (койка), шкафчик для посуды, стол, стулья, рукомойник. Этот минимум келейной обстановки в зависимости от сана расширялся – добавлялись зеркало, письменный стол, настольная лампа, кресло, настенные часы, шкаф для книг, гар-

дероб и тому подобное. На стене обыкновенно висели рясы, подрясники, клобук, скуфья и четки. Иногда все это помещалось в специальный платяной шкаф. На окнах висели занавески, иногда стояли цветы. У некоторых монахов, любителей пения, стояла фисгармония. Даже у высшего начальства обстановка не отличалась особым комфортом и богатством [89].

Лаврской братии присуще «было много какой-то детской простоты и весьма мало злобы... честность и добросовестное отношение ко всякой порученной работе (не за страх, а за совесть), желание помочь ближнему, радушие, гостеприимство и отзывчивость», – сообщает в своих воспоминаниях о Киево-Печерской Лавре профессор И.Н. Никодимов [90].

В монастырском обиходе был принят определенный этикет, которого строго придерживались. При посещении монашествующих следовало стучать в дверь кельи, произнося «молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», на что следовал ответ «аминь», что равносильно было приглашению «войдите». При обращении к кому-либо старшему с просьбой необходимо было говорить «благословите». При прощальных приветствиях, а также в письмах к духовным лицам неудобно было «передавать приветы» или «поклоны», а следовало говорить или писать: «Прошу Ваших святых молитв». Вместо «спасибо» говорилось «спаси Господи». При встрече с иеромонахами и монашествующими лицами высшего сана надлежало подходить под благословение, при чем послушники обыкновенно касались одной рукой земли, что означало малый земной поклон, а затем целовали руку благословляющего. Если отношения имели дружеский характер, то

после целования руки следовало троекратное лобзание, а затем снова целование руки. Лица, имевшие священнический сан, приветствовали друг друга троекратным лобзанием, целуя затем друг другу руки. Для этого они держали руку в руке [91].

Величайшее религиозное и эстетическое наслаждение доставляли всем лаврские богослужения. Совершались они по особому чину в обстановке древнейшего монастыря в величественных храмах. Великолепны были и звон лаврских колоколов, зовущих на молитву, и дивные, художественные облачения на духовенстве, и гигантские свечи, таинственно освещавшие старинные своды, древние иконы, позолоту иконостасов, и, наконец, своеобразное обаятельное пение лаврских хоров [92].

Лавра встречала день молитвой очень рано. В час ночи раздавался благовест, зовущий к утрени. Эта служба продолжалась до половины четвертого. Уже в половине шестого начинались ранние литургии. С девяти часов совершалась поздняя литургия в Великой церкви, которая продолжалась иногда до часу дня. Наконец, в четыре часа в том же соборе и на пещерах совершалась вечерня, а в других храмах вечерня с утреней. В кануны великих праздников и воскресений в соборе служили всенощную, которая начиналась в шесть часов вечера и кончалась около двенадцати, а то и позже. Каждая деталь этого богослужения гармонировала с прекрасным целым [93].

Важное место в жизни Киево-Печерской Лавры занимала хозяйственная деятельность. Руководству монастыря приходилось решать сложные, большие по объему и разнохарактерные задачи по удовлетворению минимальных потреб-

ностей огромной братии обители, громадного количества богомольцев, число которых иногда доходило до десятков тысяч. Вопросами монастырского хозяйства ведали эконо́м, келарь, казначей и отчасти еkkлесиарх [94]. Кроме того, снабжение всем необходимым двадцати семи храмов обители, ремонт всего движимого и недвижимого имущества монастыря – усложняло нелегкую хозяйственную заботу.

Для нужд братии и богомольцев в Лавре были организованы собственные предприятия – макаронная фабрика, медоваренный и пивной заводы, хлебозавод, типография, сапожная, кузнечная и слесарная мастерские и даже свои электростанция и телефонная станция [95].

Одной из важных проблем хозяйственного характера было питание братии. Продукты закупались у поставщиков или производились на лаврском хозяйстве. Размеры закупок сахара, соли, соленой рыбы, круп, муки, подсолнечного масла, вина были огромны, но Лавра являлась исправным кредитоспособным плательщиком.

Основными сельскохозяйственными единицами Лавры были Голосеевский и Китаевский хутора, расположенные около одноименных пустыней, хутор Самбурки, заливные луга на Жуковом острове и ряд садов вблизи Киева. Овощи, молоко, фрукты в Лавру доставляли с монастырских хуторов. Эти продукты заготавливались в очень больших количествах и хранились в пятиэтажном погребе, который находился под землей за трапезной.

Для лаврского стола требовалось такое большое количество картофеля, что особая группа послушников с утра и до поздней ночи чистила картофель. Чистка картофеля считалась трудным послушанием и выполнялась провинившимися монахами [96].

Во время сенокоса братия монастыря на заливных лугах Жукова острова косила и сушила сено, делая богатые запасы для лаврских конюшен и скотного двора [97].

Многие послушания пришлось пройти юноше из бессарабского села в числе нескольких тысяч временно-трудящихся, а позже среди тысячи послушников. Когда грянули грозные события Первой мировой войны и революционных потрясений, Никон Васильев был пострижен в монашество с именем в честь мученика Анемподиста, пострадавшего около 341–345 годах в Персии при правителе Сапоре II [98].

Монах Анемподист (Васильев) стал одним из нескольких сотен насельников древнейшего русского монастыря, Киево-Печерской Лавры. О начальном монашеском периоде жизни отца Анемподиста сохранилось очень мало сведений, но он не выделялся среди собратьев-монахов, и его жизнь была типичной для каждого из Киево-Печерской Лавры. Ему приходилось нести послушания на сельхозработах, петь на клиросе и ежедневно перечитывать многочисленные имена в лаврских синодиках [99]. В то время, когда Никон Васильев пришел в киевскую обитель, были сильны монашеские аскетические традиции, установленные отцами-подвижниками. Молодой послушник усердно впитывал наставления своих духовных наставников и свято сохранял

их на протяжении всей своей жизни. Приняв монашество, молодой монах всецело оставил в прошлом все мирское. Его единственной целью в жизни было молитвенное соединение со Христом, стяжание непрестанной безмолвной молитвы и всецелой покорности Божию промыслу. Сроднившись с новым монашеским именем, этот скромный подвижник всю последующую жизнь не употреблял своего мирского имени и всегда подписывался – «Анемподист». Он был замкнут, малообщителен, стремился к уединению, внутренней молитве и чтению книг, наставляющих на правый путь жизни со Христом и во Христе.

2. МОНАХ АНЕМПОДИСТ В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

(1917–1941 годы)

2.1. Братия Киево-Печерской Лавры после октябрьской революции.

Свержение самодержавия, потеря Православной Церковью государственной и экономической поддержки, революционные брожения в стране вызвали у населения неоднозначные взгляды и действия.

Киев несколько раз переходил от украинских властей к большевикам. Киево-Печерская Лавра, имея неисчерпаемые запасы нравственной силы и жизненной энергии, казалось, не дрогнет перед любой исторической бурей. Но случилось иначе. Грозными признаками надвигающейся грозы были попытки самоуправной конфискации монастырского имущества со стороны красноармейцев, матросов и каких-то гражданских лиц, предъявлявших при этом весьма сомнительные документы [100]. До установления власти большевиков, в переходное время, безнаказанно совершались грабежи, дерзкие налеты и обыски.

С трагическими для страны событиями совпало служение митрополита Киевского и Галицкого, священноархимандрита Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры Владимира (Богоявленского), переведенного 23 ноября 1915 года из Петрограда. Владыка Владимир был единственным архиереем в истории Русской Церкви, который занимал три главных митрополичьих кафедры страны – Московскую, Петроградскую и Киевскую [101].

Революционная смута охватила и Православную Церковь на Украине. Началось расстройство епархиального управления. В Киеве самочинно был образован «Исполнительный комитет духовенства и мирян» и появился комиссар по духовным делам.

Митрополит Киевский Владимир отрицательно относился к подобным новшествам, но старался избегать конфронтации «с целью введения церковной жизни в новую колею». Он благословил созыв 12 апреля 1917 года епархиального съезда духовенства и мирян Киевской епархии. На этом «Украинском

Киевской епархии съезде» впервые был поставлен вопрос о независимой «Украинской Церкви» в автономной Украине [102].

После февральской революции на Украине управление Киево-Печерской Лаврой с каждым днем становилось более сложным. Пропагандировались неприязненные отношения к Православной Церкви, духовенству, монахам и монастырям. Управление Лаврой требовало не только спокойного руководства и устройства внутренней жизни обители, но и энергичной, умелой и осторожной борьбы за существование монастыря [103]. Со всех сторон неожиданно подкрадывались неприятности и опасности. Все время нужно было быть начеку, лавировать и приспосабливаться к возникающим обстоятельствам.

По данным за 1917 год в Киево-Печерской Лавре находилось 472 монаха и 113 иноков [104] без учета послушников и трудников. В Лавру на испытание были приняты несколько монахов, удаленных из афонских обителей, среди которых был монах Ксенофонт (Величко), впоследствии знаменитый прозорливец схиигумен Кукша [105].

В апреле 1917 года в трапезной палате монастыря стали проходить собрания некоторой части насельников Лавры. Организовался особый монастырский комитет, деятельность которого была запрещена митрополитом Владимиром [106]. Ряд оппозиционно настроенных монахов и послушников выражали недовольство тем, что настоятелем Лавры является киевский архиерей. Положение осложнялось тем, что в это время во главе Печерской обители был решительный, волевой, с правыми убеждениями митрополит Владимир. Он яв-

лялся сторонником твердой, сильной и единоначальной власти как в государстве, так и у себя в монастыре. Неприязненные высказывания в адрес митрополита и требование сместить его с Киевской кафедры нашли поддержку среди части насельников.

Воспитанный в духе смирения и монашеского послушания, углубленный во внутреннюю молитву монах Анемподист сумел остаться в стороне от зародившихся монастырских нестроений. Он считал, что его главным делом на земле является стремление к молитвенному соединению со Христом в исполнении заповедей Божиих о любви к ближнему, умение никого не осуждать, видеть и исправлять лишь собственные недостатки [107]. Все внутренние монастырские и внешние государственные нестроения не входили в круг интересов жизни во Христе скромного подвижника. Он полностью уповал лишь на всеобъемлющую волю Господню.

В ноябре 1917 года в Киеве была создана «Временная всеукраинская православная церковная рада». На одном из заседаний «рады» прозвучало предложение «не допустить возвращения в Киев» митрополита Владимира, находящегося в тот момент на Поместном Соборе Русской Церкви в Москве.

В противовес «Всеукраинской церковной раде» в Киеве 24 ноября (7 декабря) 1917 года состоялось многолюдное собрание «Союза приходских православных советов Киева», которое признало «пребывание Киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время нежелательным явлением» [108] и ускорило возвращение митрополита Владимира в кафедральный город.

6 декабря 1917 года на временное исполнение должности наместника Киево-Печерской Лавры был выдвинут сочувствующей ему группировкой архимандрит Климент (Жеретиенко), которым был намечен план дальнейших действий и реформ в новых исторических условиях.

Следуя духу времени, митрополит Владимир вынужден был пойти на уступки. В Киево-Печерской Лавре наблюдались изоляция митрополита Владимира от дел, общее безвластие, неуверенность и неспособность противостоять проникновению в стены монастыря преступных элементов [109].

В один из вечеров в покои митрополита Владимира явился член «Церковной рады» священник Фоменко с предложением учредить патриаршество в Украинской Церкви и выдать «раде» епархиальные средства, на что получил категорический отказ. Владыка Владимир до конца своих дней оставался непоколебимым архипастырем, охранявшим порядок церковного устройства и управления, и призывал духовенство и мирян «поддерживать всеми мерами единение между собою и со всею Православною Русскою Церковью» [110].

В январе 1918 года население Киева чувствовало себя совершенно беспомощным, беззащитным, ожидая каждую минуту смерти в эти кошмарные дни убийств, грабежей и насилий. Власть Украинской Центральной Рады сменилась большевистскими «штабами» и «комендантами». В городе хозяйничали вооруженные банды. Население Киева, сознавая свое беспомощное положение, собиралось вокруг своей святыни в Киево-Печерской Лавре, молилось до утра на ночных богослужениях. Большинство бандитов были настроены

сугубо революционно и находили оправдание своим злодеяниям в лозунге «грабьте и уничтожайте попов и буржуев».

В ходе военных конфликтов Лавра несколько раз подвергалась обстрелу. Во время взрыва артиллерийских складов были разрушены многие дома жителей Зверинца, которых приютил монастырь в своих стенах вместе с учениками киевских духовных школ.

7 (20) января 1918 года в Трапезном храме Киево-Печерской Лавры был открыт «Всеукраинский церковный собор», работа которого продолжалась до обстрела монастыря в середине января противоборствующими украинскими и большевистскими войсками. Все участники церковного собора проживали в корпусах лаврской странноприимницы [111].

20 января (2 февраля) 1918 года был уволен на покой прекрасной и чистой души истый монах наместник Лавры архимандрит Амвросий (Булгаков), терявший зрение [112]. Обстоятельства смещения уважаемого братией наместника архимандрита Амвросия и назначение отца Климента вызвали неоднозначное отношение братии монастыря [113].

В тот же день Совнаркомом РСФСР был принят декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Спустя два дня 22 января аналог этого декрета был принят и Временным рабоче-крестьянским правительством Украины, все имущество церковных и религиозных организаций было провозглашено достоянием народа [114]. Православная Церковь потеряла статус юридического лица и становилась вне закона.

25 января 1918 года поздно вечером митрополит Владимир был арестован в своих покоях и зверски убит пятью злодеями за лаврской стеной [115]. В условиях гражданской войны, штурма Киева большевиками и церковной смуты не составляло большого труда осуществить такое злодейское убийство руками уголовно-анархических элементов. Весть о трагическом происшествии разнеслась по всей Лавре и городу. Большинство монахов и населения Киева с горечью приняли это известие. Монах Анемподист всю оставшуюся жизнь молился о упокоении в селениях праведных первого российского священномученика, смерть которого открыла собой эпоху непримиримой борьбы новых правителей с религией и массовых гонений на духовенство и верующих мирян.

На следующий день после убийства митрополита Владимира, 26 января (8 февраля), Киев на некоторое время был занят советскими войсками [116]. За три года, с 1918 по 1920, Киев 14 раз переходил от украинских властей к большевикам, а в 1919 году несколько месяцев находился под властью генерала А. Деникина [117].

В мае 1918 года Киевским епархиальным собранием на вдовствующую Киевскую митрополичью кафедру был избран харьковский архиерей митрополит Антоний (Храповицкий). Он был сторонником автономной Украинской Православной Церкви под главенством Всероссийского Патриарха. Митрополиту Антонию приходилось руководить Киевской митрополией и Киево-Печерской Лаврой в сложнейших политических и экономических условиях.

Внешние обстоятельства внесли ощутимые изменения в сложившуюся привычную монастырскую жизнь Киево-Печерской Лавры. С 14 июня 1918 года сократилось число богослужений, а с 22 июня впервые за несколько столетий истории монастыря «прекращена выдача хлеба посторонним» [118].

Декретом Совнаркома УССР от 17 мая 1919 года «О передаче имущества монастырских и церковных организаций в ведение народного комиссариата социального обеспечения» Киево-Печерская Лавра была лишена всего имущества. Пользование помещениями церквей, келий, трапезной и другими монастырскими строениями братии разрешалось на основе арендных соглашений [119]. На территории Лавры в монашеских кельях, оставшихся пустующими после эпидемии тифа, расселили мирских жильцов, а на монастырских воротах появилась надпись «Инвалидный городок» [120]. Все лаврские монашеские оставались проживать в стесненных условиях в своих монастырских корпусах.

После национализации всех монастырских строений на должность «заведующего строениями» Киево-Печерской Лавры, выделенными властями в VI район, с 31 июля 1922 года был назначен наместник монастыря архимандрит Климент [121]. Для сохранения от закрытия или передачи в пользование посторонним для Лавры лицам была создана дозволенная советскими законами церковная община под названием «Киево-Печерская Успенская Лавра» [122]. По существу в Лавре изменились только штамп и печать, а в остальном монастырский уклад внутренней жизни оставался без изменений. Вначале эта община состояла из монашествующих и послушников, а органом ее управления

был «Совет» из членов монастырского духовного собора. В списке членов общины обращали внимание их типичные монашеские имена. Среди прочих монашествующих, составлявших лаврскую православную церковную общину, был Анемподист (Васильев), и его имя сохранилось среди других в списках членов этой общины [123].

2.2. Отец Анемподист и киевские монахи в годы лишений (1924–1941 годы).

В годы укрепления позиций советской власти, когда Лавра переносила самые тяжкие притеснения и лишения, пострижение в монашество граничило с нравственным героизмом и подвигом, а положение каждого монаха являлось очень трагичным, в число лаврской братии пришли многие интеллигентные образованные люди: врачи, юристы, ученые [124]. По состоянию на середину 1924 года количество братии Киево-Печерской Лавры составляло 557 человек [125], из них монашествующих 498 [126].

В июне 1923 года после тюрьмы и ссылки в Китаевой пустыни поселился ослабевший зрением епископ Димитрий (Абашидзе) [127]. 27 ноября 1923 года епископ Димитрий был пострижен в схиму с наречением «по имени преподобного Антония Печерского» [128].

В условиях распространения в Русской Церкви на территории СССР обновленческого движения церковная община Лавры продолжала хранить православные традиции. 29 апреля 1923 года церковной общиной Лавры было принято решение: «Доверить совету и вменить ему в обязанность следить за соблюдением древнего православия, основанного на канонических правилах, чтобы богослужение велось в духе Православной Церкви на славянском языке; право служения должно предоставлено быть лишь православным священнослужителям» [129]. Непоколебимым в этом вопросе оставался и монах Анемподист, которому на тот момент было 38 лет.

После того как было издано постановление советской власти о запрещении монашеской братии состоять членами церковной общины, пришлось создавать «религиозную организацию» исключительно из светских людей, лаврских послушников и сестер обители [130]. По существу все оставалось по-прежнему. Каждое мероприятие церковной общины предварительно обсуждалось на духовном соборе Лавры, а затем оформлялось для внешнего вида в церковном совете. Все начинания общины совершались с благословения настоятеля обители, формально же и настоятель и все священнослужители Лавры состояли лишь на службе у церковной общины [131].

Для ведения сельского хозяйства, которое было необходимо для пропитания братии монастыря, организовали сельскохозяйственную «Киево-Печерскую трудовую общину», устав которой был составлен в духе коммунистической артели, но фактическое руководство этой организации сосредотачивалось в руках настоятеля Лавры. Но вскоре в «трудовой общине» было запрещено

участие монашествующих и она была реорганизована в «Сельскохозяйственную трудовую артель “Трудолюбие”», правление которой состояло из светских лиц [132].

Монах Анемподист, как и многие из лаврских насельников, не мог радоваться отступлениям от исконного монастырского устава. Он со своими единомышленниками оставался при твердой мысли, что Лавра нерушима и никто не смеет посягать на ее уклад, а все новшества были результатом заблуждения. Руководству Лавры стоило многих усилий, чтобы разъяснить братии неизбежность такого положения [133]. В результате стремление к послушанию, рассудительность и трезвомыслие возобладали и все новшества были смиренно приняты.

Благодаря содействию ГПУ стремление обновленцев завладеть Киево-Печерской Лаврой усилилось. В октябре обновленческий митрополит Иннокентий получил мандат на проведение богослужений в монастыре. 25 октября 1924 года за организацию сопротивления обновленцам Киевским губотделом ГПУ УССР были арестованы настоятель Лавры отец Климент и наместник отец Макарий [134]. Монастырь на территории Киево-Печерской Лавры с 24 декабря 1924 года был официально закрыт [135], но братия осталась проживать в своих кельях. Из монастырского братства была сформирована монашеская община вне стен родной обители [136].

15 декабря лаврские церкви передали в пользование обновленческой «синодальной общине», которую образовали лаврские архимандриты Филадельф (Пшеничный) и Михаил (Чалый) [137].

Обновленческая община из лаврской братии, зарегистрированная в декабре 1924 года, состояла из 72 человек. В следующем году число обновленцев составляло 65 человек. А в июне 1928 года обновленческой братии на территории Лавры осталось всего 20 человек [138].

Продолжавшееся сопротивление обновленцам со стороны лаврской братии и поступившие в ГПУ доносы о сокрытии ряда монастырской богослужебной драгоценной утвари и золотой ризы с чудотворной иконы Успения Божией Матери дали повод к аресту большой группы лаврских монахов во главе с настоятелем архимандритом Климентом (Жеретиенко). В декабре 1924 – январе 1925 года ГПУ были арестованы по обвинению в укрывательстве церковных ценностей 28 лаврских монахов, 2 послушника и 4 члена лаврской общины из мирян [139]. Следственное дело о сокрытии лаврских ценностей было выделено в отдельный том, названный «Жеретиенко и др.» [140].

После проводимых в 1922 году изъятий часть дорогостоящей утвари по несколько раз перепрятывалась братией в Китаевой пустыни, в хозяйственных строениях Лавры, «погребце» Предтеченского придела Успенского собора и других местах.

Весной 1925 года, после вскрытия властями многих тайников и их разорения, всех арестованных монахов освободили под подписку о невыезде, а архимандриты Климент и Макарий, игумен Евстратий и казначей отец Анфим в ноябре 1925 года были отправлены на поселение в город Харьков [141].

Когда лаврские храмы были переданы «Живой церкви», а настоятель арестован, возник вопрос о дальнейшем существовании многочисленной братии, которая оставалась верной обители и Православной Церкви. Любовь к родной Лавре была настолько велика, что братия, несмотря на гонения и невзгоды, решила не расходиться и бороться с обстоятельствами. Для общей молитвы сначала собирались в Феодосиевской церкви, находящейся рядом с Лаврой, и в Никольском больничном монастыре. Когда эти храмы были закрыты, монахи нашли приют в печерской приходской Ольгинской церкви, в которой старались сохранять все лаврские традиции, совершали ежедневные богослужения, пели на два клироса с канонархами [142]. Когда и здесь монахов настигла рука безбожников, они все объединились при церкви Китаевой пустыни, переданной как приходской храм православной общине из окрестных крестьян. Сплочению братии вокруг Китаевой пустыни способствовало проживание в ней схиархиепископа Антония (Абашидзе), ставшего духовным руководителем киевских монашествующих и мирян.

После отправки отца Климента на поселение настоятелем Лавры был избран 30-летний архимандрит Ермоген (Голубев) [143]. После его избрания оживилась вся братия Лавры, жизнь иноков стала возвращаться к своим обычным порядкам [144]. Привыкшая жить под духовным руководством, по послушанию, лаврская братия вновь обрела своего духовного руководителя. В сложной обстановке разрушения государственной властью основного оплота православной веры, Киево-Печерского монастыря, отец Ермоген умел своей энергией, умом и горячей верой задержать процесс ликвидации монастыря

как общины, уже оторванной от своего места исторического пребывания [145].

Привязанность к монастырю, к своим духовным традициям у лаврских монахов была настолько сильна, что никакие гонения и притеснения не могли сломить твердости их духа [146]. Несмотря на то, что на территории самой Лавры деятельность монашеской общины была запрещена, часть лаврской братии продолжала жить в своих кельях на территории «Киево-Печерского заповедника». Многие из насельников были вынуждены поселиться в Китаевой пустыни и на частных съемных квартирах.

Монах Анемподист оставался в своей лаврской келье. После произошедших перемен он решил углубиться во внутреннюю молитву, безмолвие, держаться обособленно, избегать лишнего общения. Он всеми силами старался способствовать сохранению монастырского достояния. Ему поручалось выносить с территории обители сосуды, книги, иконы и прятать их у надежных мирян за монастырскими стенами. Проживая в монастырском корпусе, находясь в центре всех трагических событий, отец Анемподист умел растворяться в общей массе братии и оставаться неприметным. Это позволяло ему ускользать от пристального внимания ГПУ.

В Китаевой пустыни с 1927 года иеромонах Феопемпт (Клитный) с заведующим Китаевой богадельней иеромонахом Селевкием (Ханюковым) организовали размещение престарелых и больных монахов на частных квартирах по несколько человек в комнате. Деньги на оплату жилья, питание, одежду, лекарства выделялись из общих монастырских средств [147].

Архиепископ Чилийский Леонтий вспоминал: «Живя вдали от храма, будучи старцами ветхими и больными, они все, кто был не прикован к постели, неопустительно утром и вечером посещали монастырский Китаевский храм, который еще не был в ту пору закрыт. Бедность, постоянное изгнание и другие невзгоды они удивительно безропотно несли. Все всегда радостные, приветливые <...> отцы наши сияли самыми разнообразными добродетелями и как зрелые плоды отходили в своем богатстве духовном, богатели в вечность. Но, к сожалению, мир <...> как бы не замечал живых носителей древнего подвижничества наших дней» [148].

ГПУ делало все возможное для уничтожения канонической Церкви и не скрывало своих намерений: «Синодальное движение используется нами для разложения тихоновщины как группировки крайне реакционно настроенной и имеющей среди населения большой авторитет» [149].

По данным ГПУ на 1 января 1929 года старославянская община монахов, проживавшая на территории Лавры, состояла из 197 человек, в Китаевой пустыни – 28, в Спасо-Преображенской пустыни – 28, в Голосеево – 24. Часть монахов снимала жилье на Печерске и Зверинце [150].

В октябре 1929 года с территории монастыря выселено «138 монахов старославянской ориентации». 18 ноября того же года Киевский окрисполком принял решение о закрытии Киево-Печерской Лавры и Китаевой пустыни. По сообщению директора «Всеукраинского музейного городка», действовавшего на территории Лавры, по состоянию на 10 декабря 1929 года «все церковные строения были закрыты и опечатаны, нетрудовой элемент (монахи)

выселен» [151]. У входа в монастырь появилась надпись: «Монахам и духовенству вход в Лавру строго воспрещается».

Некоторые иноки Лавры в последний момент покончили с собой. Два схимника бросились с лаврской стены в Днепр, а старый звонарь великой колокольни, служивший при ней более 30 лет, бросился на каменные плиты лаврского двора [152]. За исключением нескольких человек, вся лаврская братия с декабря 1929 года проживала вне стен монастыря. Бывшие монастырские насельники расселились кто как мог: в сараях, у добрых людей, в окрестных селах, нанимая полуподвалы и подвалы, но все же оставаясь вблизи дорогой обители [153]. Но и такое разрешение жилищного вопроса было нелегким. На всякого решавшегося предоставить помощь духовным лицам ложилась тень политической неблагонадежности для советского общества, что было предосудительным и небезопасным. Часто, пустив к себе на жительство монахов, за угол требовали высокую квартирную плату, даже за подвальные помещения.

Господь особо сохранял скрытного, молчаливого и покладистого 45-летнего монаха Анемподиста. Подвижнику безмолвной молитвы удалось сохранить свое жительство в родной келье в братском корпусе и на несколько лет отсрочить переселение. Чтобы не привлекать к своей персоне особого внимания, отцу Анемподисту пришлось поменять монашеское облачение на мирские одежды. Изменение внешнего облика позволило подвижнику сохранить внутренний мир и монашеский жизненный уклад. Он нанимался на поденные работы, зарабатывал себе на пропитание, помогал монастырскому братству и

непрестанно молился о всех, кто ему помогал выживать в этих сложных условиях.

В 1931 году был арестован архимандрит Ермоген и обязанности настоятеля стал исполнять казначей монастыря архимандрит Вонифатий (Черевко) [154]. Отец Ермоген поминался на богослужениях как настоятель до 16 января 1943 года [155].

В начале 1933 года в стране органами ГПУ были арестованы члены монархической организации «Союз Христовых воинов», что послужило поводом для ареста части лаврской братии. На протяжении марта–апреля 1933 года секретно-политическим отделом Киевского областного отдела ГПУ УССР было арестовано более 20 монахов [156] по делу «Любимов М.Н., Абашидзе и др.» [157].

С введением паспортной системы и усилением со второй половины 30-х годов репрессивных мер против Православной Церкви лаврское братство перешло на полулегальное существование. Из братии были выделены некоторые, кто поддерживал связь между монахами, находившимися в разных районах, и собирал средства для лаврского братства [158].

Особенно сложно было организовать питание в период голода 1933 года [159]. По воспоминаниям архимандрита Прохора (Дубровского), «монастырские братия терпели большой голод и питались различными травами. Варили борщ из заячьей капусты и воробьиного щавеля. А серполоз варили в густом виде и кушали вместо хлеба» [160].

24 июня 1934 года столица советской Украины была перенесена из Харькова в Киев. В связи с переносом столицы все неблагонадежные, в том числе и монахи, были выселены за пределы города. Оставшиеся монахи расходились кто куда мог, спасались в сараях, свинарниках, дровяниках, некоторых прятали благочестивые миряне. Многие разошлись по селам, уехали на родину, в родные деревни, чтобы там под когда-то оставленным родительским кровом снова найти приют и покой. Лишь единицы из братии продолжали жить нелегально в столице. Осевшие недалеко от Киева монахи могли с болью и слезами созерцать величественно высящуюся над Днепром красавицу Лавру, такую дорогую, близкую их сердцу, ныне осиротевшую и оскорбленную [161].

В это страшное время и отцу Анемподисту пришлось покинуть родную келью в древних стенах Лавры. Он был обречен на скитание. Уже немолодой монах решил уехать из Киева в родную Бессарабию, но там не было условий для его жительства; кроме того, приезд к родным «неблагонадежного элемента» грозил последним репрессиями. Бывшему печерскому насельнику оставалось лишь вернуться к стенам родной обители. Ему пришлось остричь волосы и бороду, чтобы скрыть свой монашеский чин и быть незаметным среди прочего народа; но всех монахов легко выдавали монастырские манеры, привитые многими годами монашеской жизни.

Чтобы не подставлять своих благодетелей-хозяев под удар со стороны закона, приходилось часто менять места проживания, не задерживаться подолгу на одном месте, рано на рассвете уходить из квартиры и возвращаться только после заката. Такое положение длилось более 7 лет [162].

Зимой 1937–1938 годов в Киеве в сарае по улице Старонаводнической проживал нелегально игумен Валерий (Устименко), так как хозяйка дома запретила отцу Власию (Бычко) содержать в доме беспаспортных монахов [163].

3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ (1941–1961 годы)

3.1. Отец Анемподист и Киевская Лавра в годы немецкой оккупации и после освобождения (1941–1958 годы).

После оккупации Киева, в целях усиления своего влияния на население, фашистские захватчики в 1941 – начале 1942 года содействовали естественному оживлению религиозной жизни. Церковная жизнь в Киеве забила ключом. Огромная духовная сила, скрытая в сердцах верующих, бурно вырвалась из глубин. В Киеве открылся целый ряд храмов. Не хватало духовенства и богослужебной утвари [164].

Схиархиепископ (бывший Херсонский и Таврический) Антоний (князь Давид Абашидзе) обратился к немецкому командованию, и оно 27 сентября 1941 года дозволило монахам вернуться в родные стены. На Ближних пещерах без

официального разрешения немецких властей начал действовать монастырь [165].

После 17-летнего перерыва с 18 декабря 1941 года возобновилась деятельность православного монастыря на территории Киево-Печерской Лавры. Немецкие власти передали монахам нижнюю часть обители – Дальние и Ближние пещеры [166]. Во главе лаврской братии стал схиархиепископ Антоний. В Крестовоздвиженской церкви и на Ближних пещерах стали совершаться богослужения [167]. Крестовоздвиженская церковь сохранилась в неприкосновенности со своим старинным иконостасом. Служба совершалась торжественно по монастырскому уставу, пел небольшой монашеский хор с канонархом на старинные лаврские напевы [168].

Осенью 1941 года на территорию Ближних пещер вернулись 15 насельников. Первыми пришли в монастырь монахи Анемподист (Васильев) и Дисидерий (Тимошенко), которых братия назвала «наши первозванные» [169]. Они вынуждены были поселиться в пономарке Крестовоздвиженского храма.

В обновленную Лавру собралось около тридцати монахов и послушников из числа бывшей братии монастыря [170]. Среди вернувшихся в 1941 году в монастырь были игумен Валерий (Устименко), архимандрит Борис [171] (Павлик) [172], игумен Кронид (Сакун) [173], иеромонахи Феопемпт (Клитный) [174] и Герасим (Стешенко), монах Андрей (Мищенко) и другие [175]. Но многие иноки, оставшиеся в живых и бывшие на свободе, продолжали жить в деревнях, где их застала оккупация, потому что их страшили неуверенность в завтрашнем дне и неустойчивое положение Лавры [176].

В конце 1941 – начале 1942 года территория Лавры неоднократно снималась на кино– и фотопленку и широко рекламировалась в Европе. В том же 1941 году идеолог национал-германской религии будущего А. Розенберг вслед за М. Борманом заявил, что «национал-социализм и христианство непримиримы, христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен» [177].

3 ноября 1941 года в Киево-Печерской Лавре произошло событие, заставившее содрогнуться весь христианский мир. Киевляне готовились в возобновлению богослужений в Великой лаврской церкви. Были сняты все советские плакаты и смыты безбожные надписи, храму было придано былое благолепие и проведено электрическое освещение. На открытие храма собралось множество киевлян и немцев. Но когда впервые под сводами храма включили электрический свет, раздался взрыв и высокие своды Успенского собора рухнули, погребая под своими обломками людей и святыни, вынесенные в храм из всех тайников [178].

Разрушение Великой церкви позволило немцам вывезти многие лаврские ценности, обвинив во взрыве собора советское командование, которое будто бы при отступлении заминировало здание. Братия тяжело переживала взрыв Успенского собора [179].

После отступления советских войск, ввиду невозможности какой-либо связи через линию фронта с московским священноначалием Русской Православной Церкви, 18 августа 1941 года в Почаевской Лавре состоялось епископское совещание, на котором было провозглашено временное создание автономной

Украинской Церкви. Автономный статус не был признан Московским Патриархатом, но члены автономной Украинской Церкви не считались раскольниками и не подверглись каноническим прещениям. Временно управляющим Киевской епархией автономной Украинской Церкви был назначен епископ Пантелеимон (Рудык), который на правах епархиального архиерея 18 декабря 1941 года прибыл в Киев. Из-за нехватки духовенства почти ежедневно в Киеве совершались священнические и диаконские хиротонии. Появилась оживленная торговля крестиками, иконами, церковной утварью [180].

В декабре 1941 года в дом настоятеля Ближних пещер переехал с Клоковского спуска схиархиепископ Антоний. Но вскоре германское командование решило передать Лавру киевским самосвятам, и старцу-схиархиепископу предписали покинуть территорию обители. Владыка с монастырской братией всю ночь провели в усердной молитве, а утром было получено разрешение оставаться на прежнем месте с отказом самозванцам [181].

Немцы в своих сводках об обстановке в Киеве называли владыку Антония «ортодоксом», «приятелем епископа Пантелеимона», «старцем». Указывали, что «его мнение важно, потому что Антоний у епископов и священников пользуется большим авторитетом». Именно высокопреосвященнейшему Антонию совместно с епископом Пантелеимоном удалось сохранить на Украине единство с Русской Православной Церковью, вопреки настойчивым требованиям немецких властей.

Немцы установили систему управления Лаврой, похожую на первые годы военного коммунизма – с властью настоятеля конкурировал комендант Лавры,

назначенный от городской управы. Для братии было выделено два корпуса на Ближних пещерах, где было обустроено монашеское общежитие [182]. Стесненность в помещениях не позволяла принимать в обитель новых иноков. Усугублялось положение монастыря тем, что рядом с монахами в лаврских корпусах продолжало проживать самое различное, порой враждебное монастырю светское население [183].

В Крестовоздвиженском храме Ближних пещер ежедневно совершалась литургия. Когда в зимнее время в главном храме стало очень холодно, братия устроила в корпусе над пещерами новый теплый храм и молилась в нем [184]. Схиархиепископом Антонием старейший лаврский насельник монах Анемподист (Васильев) был рукоположен в священный сан [185].

Условия монашеской жизни в новой Лавре были несовершенны. Как все население Киева, монахи голодали, живя на скудный паек, выдаваемый всему гражданскому населению. Братия ходила в села, работала на полях и приносила в монастырь некоторую толику продуктов, которая не могла изменить сложного продовольственного положения [186]. При всех этих трудных обстоятельствах была восстановлена традиция общей монастырской трапезы: дважды в день варили горячее – в обед обыкновенно был борщ, вечером – суп. В праздники и в дни поминовений обед состоял из двух блюд с прибавлением пирогов [187].

В день преподобного Феодосия совершался крестный ход к святым источникам и освящалась вода. В торжественные праздничные дни монахи предлагали богомольцам трапезу от своего скудного стола.

Лавра своей стариной привлекала богомольцев и разных посетителей. В течение целого дня у входа в Ближние пещеры можно было видеть разный народ. Крестьяне окрестных сел, приезжавшие на богомолье, приносили кое-что из продуктов, но сообщение сел с Киевом было затруднительно, немецкие патрули проверяли паломников и отбирали продукты [188].

Готовясь к зиме 1942–1943 годов, на строениях верхней территории Лавры разбирали крыши, перекрытия, деревянные заполнения оконных и дверных проемов. Дерево стропил, балок и дверей шло на отопление и изготовление саней, обозного зимнего транспорта, который делали в обозных мастерских, расположенных рядом с Лаврой в бывшем правительственном гараже. Изымались также мраморные плиты, метлахская плитка, полы, арматура, электропроводка. От большей части зданий остались только стены. С Великой лаврской колокольни сняли и вывезли колокола, оставив на месте только 4 колокола [189].

Разрушение строений Лавры соответствовало не только военным и хозяйственным целям, но прежде всего доктрине фашистского руководства Германии, согласно которой 1943 год должен стать годом создания «немецкой национальной религии». Массовый вывоз церковных, исторических и художественных ценностей, разрушение строений Киево-Печерской Лавры были направлены на уничтожение культуры славянских народов, прежде всего ее стержневой основы – Православия и Киево-Печерского монастыря как одной из главных святынь [190].

В июле 1942 года в ризнице Дальних пещер настоятелем Лавры архимандритом Валерием были обнаружены нетленные мощи великомученицы Варвары, священномученика Макария и митрополита Рафаила (Заборовского), почивавшие прежде разорения в Софийском соборе и Михайловском Златоверхом монастыре [191]. О случившемся событии отец Валерий сделал для потомков запись, запечатал ее в бутылку и спрятал в одной из крипт Ближних пещер [192].

В 1942 году немецкие власти дважды закрывали монастырь. Первый раз монастырь был закрыт в день престольного праздника Успения Богородицы. 28–29 августа 1942 года были опечатаны церкви Ближних и Дальних пещер [193].

1 ноября 1942 года почил старец-схиархиепископ Антоний (Абашидзе), который был не только духовным наставником и организатором возрождения монастыря, но и вдохновителем получения от берлинских властей официального разрешения на его открытие, что было сделано одной из лаврских прихожанок [194]. Погребение любимого архипастыря-аскета высокопреосвященнейшего Антония у алтаря Крестовоздвиженской церкви состоялось при огромном стечении народа [195].

Близость фронта, стеснения со стороны немцев, общая разруха, отсутствие регулярного железнодорожного движения, открытого для общего пользования, не давали возможности Киевской Лавре крепко встать на ноги. Ее жизнь теплилась, но не расцветала. Но оскверненная, опустошенная, разрушенная

Лавра оставалась святым местом, дорогим для верующего человека, влекущим к себе людей, ищущих покоя души и тепла [196].

В ноябре 1942 года было получено официальное разрешение берлинских властей на открытие монастыря. Братия избрала наместником старейшего насельника Лавры игумена Валерия (Устименко). 7 декабря епископ Пантелеимон (Рудык) утвердил его в этой должности с правом ношения жезла [197]. Отец Валерий стремился сохранить прежние порядки и обычаи монастыря. Блюстителем Дальних пещер был назначен игумен Кронид (Сакун) [198], а смотрителем Ближних пещер стал иеромонах Анемподист (Васильев) [199].

Годы лишений закалили монашеские качества отца Анемподиста. Врожденное смирение дополнялось искренним глубоким упованием на благой Божественный промысл. Вставал он в 4 часа утра, перед началом церковных служб по получасу ходил босым по росе. Неукоснительно молился на полунощнице и всех богослужениях. Служил по старости редко, в алтаре вычитывал монастырские синодики.

Непрестанное пребывание в молитве сопровождалось внутренним сосредоточением и внешним безмолвием. Отец Анемподист всегда стремился к уединению, был замкнут, избегал общения. Старался ни на кого не гневаться, при редком общении никогда никому не говорил ничего обидного. «Это был настоящий монах», – так отзывались о батюшке все, кто его знал, вкладывая в эту характеристику всю полноту значения понятия монашеского подвижничества. Он был предельно строг к себе и другим. Своим близким он никогда

не давал никаких поблажек [200]. Его поучения были краткими и точными, рассудительно-емкими. Во многом обнаруживался его дар предвидения [201].

Интересным был обычай опытного монаха отмечать свои именины. За пару дней до памяти своего небесного покровителя [202] отец Анемподист затворился в своей келье и молился, никуда из нее не выходя; и лишь спустя несколько дней после именин он выходил из затвора и сразу шел служить литургию [203].

На новом послушании смотрителя Ближних пещер иеромонах Анемподист трудился с большим благоговением и страхом Божиим, получая духовную радость от молитвенного общения с преподобными отцами. Ему пришлось заняться приведением в порядок гробниц и мощей святых угодников. Труд этот был долгим и нелегким. Многие надгробные покровы истлели или покрылись плесенью. Приходилось аккуратно открывать гробницы, раскрывать святые мощи, благоговейно перекладывать нетленные тела или косточки, шить для них новые облачения [204]. Особенно любил он переоблачать мощи святых угодников, почивающих под сводами пещер. Раз в году, в жаркое летнее время, святые мощи выносились из сырых подземелий для просушки в помещение, называемое богадельней, и там их переоблачали и просушивали их одежды. Как особую милость воспринимал старец Анемподист возможность послужить преподобным, переоблачая их с глубоким внутренним трепетом, любовью и непрестанной молитвой на устах [205].

В келье у иеромонаха Анемподиста всегда было много книг. Он любил читать все полезное для души и был очень начитанным монахом [206].

В связи с приближением советских войск и подготовкой немцев к обороне Киева 23 сентября 1943 года были выселены все жители прибрежных районов города. В сентябре 1943 года из архивохранилища, размещенного в церкви Рождества Богородицы, немцы вынесли архивные дела и использовали их для укрепления и выстилки блиндажей и траншей вдоль каменной ограды на Дальних пещерах. В Великой лаврской колокольне и в развалинах Успенского собора были установлены пулеметные гнезда [207].

27 сентября 1943 года Киево-Печерский монастырь был немцами вновь закрыт. Нескольких лаврских монахов и послушников принудительно вывезли из монастыря в район Ковеля. Были избиты немцами и умерли от побоев 72-летний иеродиакон Аркадий (Долгоброд + 2.11.1943), больной туберкулезом уставщик архимандрит Иринарх (Колдоркин, + 21.10.1943) [208] и еще четверо монахов [209].

После освобождения Киева советскими войсками с 6 ноября 1943 года [210] была вновь разрешена деятельность монастыря на территории Ближних и Дальних пещер [211]. В 1944 году лаврское братство состояло из 49 человек [212]. В число братии Лавры в 1945 году был принят игумен Полихроний (Дубовский), ставший духовником монастыря [213]. В 1946 году возвратился архимандрит Никон (Белокобыльский) [214].

Современник вспоминает: «В то время Лавра была богата истинными подвижниками монашеского благочестия: архимандрит Кронид, наместник Лавры, сильный проповедник, постоянно напоминающий о том, что грех омрачает совесть; прозорливец схиигумен Кукша, смиренный и кроткий, не

боявшийся обличать грешников и говорящий правду, невзирая на сан и положение, по его молитвам многие получили исцеление от различных недугов и болезней; принявший подвиг юродства игумен Андрей, проводивший отчитки; незлобивый молчаливый блюститель Ближних пещер иеромонах Анемподист; схиигумен Амфилохий, бывший военный летчик и врач, принявший монашество; игумен Феодосий, лаврский регент, «чрезвычайно одаренный», добрый, но воспитывал монахов в строгости» [215].

После ухода на покой архимандрита Валерия (Устименко) с 20 февраля 1947 года по 1 августа 1953 года наместником Лавры был архимандрит Кронид (Сакун) [216]. В 1949 году Киево-Печерская Лавра была единственным мужским монастырем, действующим на территории Киева и Киевской области [217]. В годы наместничества отца Кронида, по состоянию на 1952 год, лаврское братство насчитывало 98 человек. Монастырь использовал территорию 12 400 квадратных метров, занимал шесть корпусов, богослужение проводилось в трех храмах. Лавру посещали паломники со всей страны [218].

В 1950 году в число братии Киево-Печерской Лавры поступил уроженец села Доброволья Близнецовского района Харьковской области Николай Будаква. Молодой послушник был определен келейником к смотрителю Ближних пещер иеромонаху Анемподисту [219]. Судьба навсегда связала вместе этих подвижников. Старец Анемподист стал духовным наставником послушника Николая, которому были определены послушания на клиросе и в монастырской ризнице [220]. Он также должен был помогать отцу Анемподисту в пещерах, следить за облачением мощей святых угодников.

В небольшой скромной монашеской келье стояли две койки, стол, швейная машинка, рукомо́йник и несколько полок с духовной литературой.

Послушник Николай стал достойным преемником монашеских традиций от своего наставника, воспитанного известными печерскими подвижниками, и свидетелем благочестия своего аввы-старца.

Однажды случилось так, что во время келейного чаепития на стол упала книжная полка, накануне укрепленная над столом монастырским наемным плотником. Не сказав ни слова, без всякого ропота отец Анемподист вышел из кельи, полчаса погулял по монастырскому саду, вернулся и, не проронив ни слова, все прибрал. Он был образцом незлобия для многих [221].

30 марта 1957 года послушник Николай был пострижен в монашество с именем Поликарп. Старцем-восприемником при постриге стал иеромонах Анемподист.

3.2. Закрытие монастыря в годы хрущевских гонений

1 августа 1953 года наместником Киево-Печерской Лавры был назначен архимандрит Нестор (Тугай), ставший последним наместником монастыря до его закрытия в феврале 1961 года. 6 декабря 1953 года архимандрит Нестор был хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии [222].

Наместничество епископа Нестора в Лавре проходило в годы резкого усиления в стране со второй половины 1950-х годов антиправославной кампании, закрытия монастырей и церквей, преследования верующих, сноса и поджогов церковных зданий. Постановлениями Совета Министров СССР и ЦК КПСС в 1960 и 1961 годах были внесены существенные изменения в законодательство, что в значительной степени затруднило деятельность Православной Церкви. В эти годы были отменены постановления правительства СССР, принятые во время войны и в последующие годы (1943 год – о порядке открытия церквей; 1944 год – о запрете разборки церковных зданий; 1945 год – о запрете местным советским организациям препятствовать Церкви приобретать колокола и производить колокольный звон, и другие) [223].

В Киеве вновь стал издаваться журнал «Войовничий [224] атеист». Были закрыты Дальние пещеры, Крестовоздвиженская, преподобных Печерских и Всехсвятская церкви, засыпаны святые колодцы. Государственной властью были выявлены мастерские и предприятия, в которых епархия и Киево-Печерская Лавра размещали заказы на изготовление крестиков и церковной утвари, и возбуждены уголовные дела. Монахов лишали киевской прописки, в результате чего их переводили в монастыри разных областей Украины [225].

Предвестником грядущей трагедии стал обвал высокого берега оврага на территории обители. По древним печерским склонам поползли трещины, стали крениться обветшавшие древние здания [226].

Ожидая действия властей против основного оплота Православия на Украине, руководство епархии в 1959 году перевело из Киево-Печерского монастыря в

Почаевскую Лавру старца Полихрония (Дубовского), а позже в 1960 году в Почаев были переселены несколько старших монахов. Среди переведенных был казначей архимандрит Феопемпт (Клитный) [227]. Несколько человек братии перевели в одесский Успенский монастырь [228]. Перед закрытием монастыря епископ Нестор рукоположил ряд монахов в иеродиаконья и иеромонахи, надеясь, что они смогут устроиться на приходах [229].

8 января 1959 года послушник смотрителя Ближних пещер монах Поликарп был рукоположен в иеродиаконья, а через год – переведен в Почаевскую Лавру [230].

По состоянию на 1 января 1958 года в Киево-Печерской Лавре проживало 96 насельников. В середине 1960 года в монастыре было 37 человек братии, к 15 февраля 1961 года их осталось 11 человек [231]. В 1960 году закрыли Киевскую духовную семинарию. Постановление об ограничении колокольного звона на деле означало его полный запрет [232].

Постановление директивных органов Украины от 5 июня 1960 года нацелило руководство всех областей на ликвидацию в ближайшие годы всех украинских монастырей.

1 декабря 1960 года секретарь Киевского обкома партии П.Е. Шелест направил официальное письмо на имя первого секретаря ЦК КПУ Н.В. Подгорного, в котором просил разрешения на проведение ряда мероприятий, направленных на закрытие монастырей. В письме сообщалось о намеченных на январь 1961 года ремонтных работах на монастырской территории и что «есть

возможность закрыть Ближние пещеры как одну из частей мужского монастыря Киево-Печерской Лавры. После закрытия этих пещер монастырь утратит свое значение и превратится в небольшую приходскую церковь» [233].

С 15 февраля 1961 года вся территория Киево-Печерской Лавры, в том числе и музей-заповедник, была закрыта для посетителей. На монастырской территории развесили объявления: «Проход закрыт», «Опасно для жизни», «Аварийное состояние» [234].

Предвидя наступающие скорбные годы, иеромонах Анемподист, как во времена изъятия церковных ценностей, стал снова прятать у надежных прихожан лаврское достояние [235]. Многочисленная лаврская утварь и святыни хранились «до лучших времен» у одной киевлянки на частной квартире [236].

В конце февраля 1961 года под предлогом реставрации мужской монастырь Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра был закрыт. Некоторые из оставшихся монахов выехали в Абхазию в кавказские горные пустыни [237], остальные перешли в одесский Успенский монастырь и переехали в Балту.

По благословению «батюшки Анемподиста-иеромонаха» на Кавказ уехали известные иеромонах Мардарий (Данилов) и монах Ахила (Орлов) [238].

В глазах современников отец Анемподист запечатлелся стареньким высоким скрытным аскетом и молчальником [239]. Он до последнего дня оставался в родной обители.

В начале марта 1961 года церковная жизнь в Киево-Печерской Лавре вновь замерла. Несмотря на то, что был Великий пост, в монастыре 10 марта была отслужена последняя монастырская литургия, а затем последние оставшиеся монахи ушли из стен обители. Среди этих насельников, покинувших святыне Печерские холмы, был 77-летний старец иеромонах Анемподист. До последней минуты не хотел оставить родную обитель монах Ахила, и его насильно изгнали сотрудники милиции [240].

Ушедший из монастыря иеромонах Анемподист поселился на квартире у прихожанки, к которой переносили на сохранение лаврскую утварь [241]. Вновь пришлось сменить монашескую рясу на мирские одежды. Но жизнь среди мирской суеты и городского шума показалась невыносимой старцу-аскету. Он попытался уехать в одесский монастырь, но остаться в этой обители батюшке не удалось: ему было отказано в регистрации, и пришлось покинуть пределы Одессы.

Некоторое время он прожил в Балте. Перед закрытием Киевской Лавры монастырский благочинный архимандрит Савва (Кравчук), много претерпевший за свою веру и постоянно находившийся под наблюдением МГБ [242], приобрел в городке Балте частный дом возле кладбища. К нему после закрытия Лавры переехал монах Пимен [243] с двумя монахами [244].

В Балте у архимандрита Саввы батюшке Анемподисту не хватало уединения, и он весной 1962 года отправился в Абхазию к кавказским пустынножителям.

Господь попускал новые испытания Своему подвижнику, очищая его как золото в горниле, наставляя на новое подвижническое делание.

4. КИЕВСКИЙ СТАРЕЦ ИЕРОМОНАХ АНЕМПОДИСТ ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ ЛАВРЫ

4.1. Иеромонах Анемподист в пустынях кавказских гор.

При хрущевской «оттепели» один за другим, в массовом порядке закрывались храмы и монастыри, настойчиво поступали требования о сокращении монастырских штатов, ограничении прописки иногородних. Оставшиеся вне стен обителей иноки и послушники оказывались перед выбором: жить в миру на нелегальном положении или скрыться от преследований в удаленных местах. Появление на Кавказе тайной монашеской структуры и опытных наставников сыграло в то время важную роль. В горах появились новые скиты и кельи. Монашеские общины обосновались в Цебельде, Азанте, Двуречии, Псху и Амткеле. Абхазия превратилась в духовный центр российского подвижничества, в место расцвета молитвенной жизни.

Пустынничество в горах Абхазии имело огромное значение для церковной жизни в советской России. Многие верующие ехали на Кавказ за наставлениями и советами, посещали монашеские скиты, духовно окормлялись у

отцов-отшельников, приехавших из упраздненных Глинской пустыни и Киево-Печерской Лавры.

В абхазские горы, в тайную монашескую республику и направил свои стопы старец-иеромонах Анемподист.

Приехав в Сухуми, старец поселился у своей знакомой, часто приезжавшей в Киев. Звали ее Акилина. Она жила в коммунальной квартире по проспекту Мира. Акилина смогла зарегистрировать в своей квартире батюшку, обеспечив его легальное пребывание в Абхазии.

Несколько раз приезжал в Сухуми к Акилине навестить отца Анемподиста иеромонах Поликарп (Будаква), устроившийся снабженцем в Костромском епархиальном управлении у епископа Никодима (Руснака) [245].

У Акилины останавливались многие кавказские отшельники [246], когда спускались с гор и приходили в город за всем необходимым. В Сухуми отец Анемподист долгое время разыскивал своего знакомого по Киевской Лавре иеродиакона Онисифора, расспрашивая о нем у приезжавших время от времени монахов-пустынников. Но поиски были безуспешны [247].

Однажды отец Анемподист познакомился со старым пустынножителем, который пригласил его в свою пустынь, где жили несколько монахов на небольшом расстоянии один от другого [248]. В междугорье, где обосновались отшельники, было много пологих участков с плодородной землей, заросших дикими кустарниками. Монахи расчистили землю под огороды, насадили ви-

ноград и развели пчел. Поскольку старец всегда стремился к отшельническому уединению, он согласился поселиться в этой пустыни.

В затворе отец Анемподист разводил огороды, сажал капусту, кукурузу. У него было несколько ульев, он был хорошим пчеловодом.

День подвижника, как и у других отшельников, начинался с восходом солнца. Вставали в 4 часа утра и вычитывали полунощницу и монашеское правило. После молитвенного бдения готовили обед, трудились на своем хозяйстве, вечером после ужина молились и часов в 7 вечера ложились спать, чтобы в полночь вновь встать на молитву, потом краткий сон и вновь подъем в 4 утра [249].

За день вычитывались 10 кафизм Псалтири, 3 канона, 2 главы Евангелия, 2 главы Апостола, акафисты Иисусу Сладчайшему и Богородице и по четкам пятисотница [250].

В дни великих праздников старец со своими сподвижниками спускались с гор в Сухуми, чтобы помолиться в храме и подкрепиться духовно Святыми Таинствами. Отец Анемподист, зачастую одетый в светлые брюки и куртку, приступал к Святому Причащению как мирянин, только называя себя монашеским именем. В соборе отшельники раздавали плоды своих трудов прихожанам, а от них получали деньги и необходимые для пустынного жительства вещи и инвентарь.

В своем уединении отец Анемподист прожил пару лет, пока недалеко от пустыни осенью 1964 года не начались лесоразработки. Братиям пришлось покинуть обжитые места [251], вернувшись в Сухуми.

Вскоре после возвращения из отшельничества отец Анемподист в соборе неожиданно встретился с отцом Онисифором и уехал к нему [252].

Иеродиакон Онисифор жил в небольшом домике на окраине греческого селения Георгиевки [253]. Этого монаха-пустынника, несколько лет проведенного в дупле дерева, местные жители хорошо знали. Они обращались к нему за всякой нуждой, прося его молитв во время засухи или тяжелого отела коровы. Было замечено, что по его молитвам все налаживалось [254].

Поселившись в одном маленьком домике, оба старца, за долгое время привыкшие к отшельническому уединению и потерявшие стремление к общению, стали тяготиться друг другом. Общее житие лишало двух престарелых подвижников молитвенного состояния. Они смиренно переносили возникшие трудности и не желали отяготить отношения, опасаясь даже намекнуть друг другу на возникший духовный дискомфорт. Несколько месяцев прожили старцы совместно, преодолевая невольно возникшие взаимные неудобства.

Как-то в середине лета 1965 года к бывшим киевским старцам-монахам зашел пустынник схимонах Василий, подвизавшийся в дупле огромной липы в Амткельском междугорье за горным озером. Узнав от него о пустынных монахах, отец Анемподист попросил отца Василия принять его в их пустынь.

Иеромонах Анемподист был необходимым для амткельских пустынников, так как их пустынная церковь долгое время оставалась без священника, но отца Василия смущал преклонный возраст восьмидесятилетнего старца.

На рассвете следующего дня схимонах Василий надел рюкзак отца Анемподиста и они отправились в нелегкий путь. Поднимаясь на Георгиевский перевал, чтобы не утомить старца, отец Василий шел не спеша, часто отдыхая. Но отец Анемподист был бодр и не отставал от своего провожатого. На вершине перевала после краткого отдыха они стали спускаться в долину бывшего греческого селения. Схимонах Василий украдкой наблюдал за старым иеромонахом, чтобы ноги не отказали ему, но тот шел, не замедляя шаг.

В полдень путники достигли келий амткельских «приозерных» монахинь, которые их сытно накормили и предложили остаться для отдыха. Но отец Анемподист, скучавший по безмолвию, понудил продолжить путь. Взяв в руки походный посох и надев приготовленные монахинями резиновые сапоги, старец с отцом Василием стали спускаться по крутой тропе к северной оконечности горного озера [255], образованного каменным завалом узкой горной речки после землетрясения в конце XIX века.

От озера путь к пустыни лежал по горной речке к ее верховьям. Речка у озера была неглубокой, но идти по ней было очень трудно. Предстояло 33 раза переходить вброд в ледяной воде с берега на берег. Чем выше в горы, тем глубже становилась река, стиснутая крутыми стенами прибрежных скал. Ближе к верховью русло часто преломляли утесы. Течение возле них усиливалось и появлялись водовороты [256]. Старец Анемподист уверенно переходил по

воде с берега на берег, но выбирался на сушу с помощью отца Василия, так как берега были обрывистые и песчаные и обваливались, когда на них наступали. На глубоких бродах, где было сильное течение, отец Василий становился выше батюшки Анемподиста, чтобы перегородить собою бурлящий поток и тем ослабить силу напора воды на идущего ниже по течению старца [257]. Отец Анемподист медленно, с большим трудом преодолевал сложный путь.

К вечеру путники достигли поляны с пустынной церковью и кельями. На поляне подвизались монах Меркурий (Попов) [258], монах Ахила (Орлов) [259], иеродиакон Пимен (Шувалов) [260], послушник Виталий Сидоренко [261] и послушник Всеволод Ермаков [262]. Отшельники поселили старца-иеромонаха в келье, построенной ранее прочих, отличавшейся большей просторностью.

В первый же воскресный день иеромонах Анемподист предложил в церкви совершить литургию. Накануне воскресенья брат Виталий испек просфоры, и вечером все братия собрались на всенощное бдение.

Небольшая пустынно-церковная церковь была построена за несколько месяцев до появления в пустыни отца Анемподиста. Летом предыдущего 1964 года к отшельникам пришли [263] иеромонах Амвросий (Печенев) [264] и иеродиакон Исаия (Коровай) [265]. В начале зимы иеромонах Амвросий предложил сподвижникам соорудить по его чертежу особую церковь [266].

В конце ноября 1964 года началось строительство маленького храма. Все пустынно-жители приняли участие в этом строительстве. По чертежу церковка была

похожа на обыкновенную хибару-келью, но с небольшой алтарной пристройкой. Для церкви был сделан обычный каркас на вкопанных в землю столбах и сплошная обвязка по верхам. Крышу сделали из коротких дощечек, наколотых из каштанового дерева. Над алтарной пристройкой крыша была обособленной. К началу января из России вернулся иеромонах Амвросий и привез антиминс, священнические облачения и алтарные принадлежности, которыми его снабдил один старый архиерей. Первую службу в новой церкви пустынники совершили накануне Рождества Христова 1965 года. С того времени отшельники каждое воскресенье и праздники могли утешаться служением литургии и принятием Святых Таин Тела и Крови Христовых. Вечерню и утреню служили с вечера, а литургию – ночью, после полунощницы и часов. Отпуст литургии бывал перед рассветом. Петь почти никто из братии не умел, поэтому пели за уставщиком, знавшим на память монастырские распевы. Обычно практиковалось гласовое столповое пение. На каждое церковное богослужение собирались все пустынники, за каждой литургией все причащались и после расходились по своим кельям [267].

Отцам-пустынникам хорошо запомнилось первое богослужение старца Анемподиста. Всенощное бдение продолжалось 6 часов. Восьмидесятилетний старец, к удивлению всех, все это время стоял на ногах, за исключением нескольких моментов, когда разрешается сидеть. В девять часов вечера братия разошлись по кельям на отдых, но ровно в полночь все собрались продолжить богослужение. Прочитали полунощницу и часы, вслед за ними началась литургия, по окончании которой старец всех исповедал и причастил.

Богослужение закончилось к 5 часам утра. Все это время иеромонах Анемподист простоял на ногах. Для многих было удивительным, что в таком преклонном возрасте старец был на редкость бодрым, хорошо слышал и прекрасно видел, имел отличную память и при высоком росте не горбился [268].

В пустыни была традиция общей трапезы. Обычно готовил для всех Виталий Сидоренко, который кулинарное дело вел по-особому. Каша считалась готовой, как только крупа заливалась кипятком. Груши, которые сушились в печке, были в золе и перед приготовлением компота никогда не мылись. Кукуруза бывала не проварена, и ее долго приходилось разжевывать. Так пустынники старались идти «путем тесным»; они считали для себя немалым утешением, что каша хоть немного постояла на огне [269]. Кроме Виталия, хорошо готовили иеродиакон Пимен и брат Всеволод, которые в миру работали поварами [270].

Отец Анемподист не разделял с братией общей трапезы. Он всегда готовил себе сам и вкушал пищу келейно, в уединении. Это было его многолетнее неукоснительное правило молчальника, основанное на словах Спасителя: «Не судите, да не судимы будете» [271]. Чтобы избежать праздных разговоров и осуждений, старец всю свою жизнь удалялся от общения. Он был всегда спокойным, рассудительным монахом, с тихим голосом и «морем смирения» [272]. Чтобы не привлекать внимания появлявшихся нередко охотников и местных жителей, отец Анемподист носил светскую одежду – светлые брюки и рубаху, и только для общей молитвы и церковных богослужений одевал подрясник с рясой и священническим серебряным восьмиконечным

крестом. Братия обращалась к нему за духовными советами, он был их духовником. По праздникам и воскресным дням в пустынной церкви совершались богослужения. Для литургии отец Анемподист пек просфоры. У него был огород и несколько ульев пчел, в лесу он собирал каштаны, заготавливал дрова.

Живя в пустыни, он не бывал в городе продолжительное время. В Амткельской пустыни иеромонах Анемподист прожил более двух лет. Но течение времени не останавливалось, и годы напоминали о себе. Постепенно силы стали оставлять старца. Церковные службы теперь совершались через неделю, а на Троицу 1966 года старец настолько ослаб, что отцу Ахиле с Виталием пришлось просить отслужить литургию иеромонаха Мардария (Данилова) [273], подвизавшегося высоко в горах.

В начале осени 1966 года на монашеский огород за молодыми початками кукурузы повадилась медведица с медвежонком. Для братии возникла угроза потери всего урожая. Это событие стало началом череды испытаний для отшельников. Среди неприятностей, обрушившихся на жителей пустыни, была неожиданная тяжелая болезнь, постигшая старца Анемподиста.

Через пару дней после нападения медведей отец Анемподист со схимником Василием решили посмотреть, что осталось от их огорода после непрошенных гостей. Переночевав в отдаленной келье отца Меркурия, они готовы были возвратиться к себе, но ночью разразилась гроза с сильным ливнем. Речка вышла из берегов, преградив обратный путь. Стихия не унималась несколько дней. Не желая стеснять монаха Меркурия, отец Анемподист с отцом Васи-

лием решили идти горной тропой через пять перевалов к кельям приозерных монахинь, чтобы там переждать половодье.

Рано утром они вышли от кельи брата-пчеловода. Старцу путь давался очень непросто. С усилием, хватаясь за ветки и скальные выступы, старый иеромонах шел, едва сохраняя равновесие. Особенно трудными были участки глинистых оползней и осыпей мелкого щебня. Когда путники подошли к последнему, самому высокому перевалу, старец выглядел очень плохо. Он попросил отдыха, присел и глубоко задумался. Батюшка сильно ослаб и не был уверен, что сможет преодолеть крутое восхождение.

Усилием воли отец Анемподист двинулся в путь. Его сил хватило только добраться до темноты к келье новых монашек, недавно поселившихся среди густых лесных зарослей.

У монахинь старец, не дождавшись ужина, уснул, а отец Василий поспешил к приозерным монахиням. Проснулся старец поздно утром, взял книгу, вышел из кельи и сел недалеко у обрыва возле края скалы. Во время чтения у него случился удар, он потерял сознание, повалился набок и начал сползать в пропасть. От неминуемой гибели его спасло то, что гача (штанина) его брюк зацепилась за куст рододендрона. Затревожившиеся о батюшке монахини нашли его у пропасти, но вытащить его им было не по силам. Через некоторое время старец очнулся и при помощи монахинь смог выбраться наверх.

После апоплексического удара старец, понимая, что в пустыни он жить уже не сможет, решил уехать в Россию к своему монастырскому воспитаннику иеромонаху Поликарпу [274].

С помощью схимонаха Василия батюшка Анемподист добрался до трассы, на попутном автомобиле приехал в Сухуми и вскоре навсегда покинул Абхазию.

4.2. «Старый батюшка» в селе Тетеринском.

Иеромонах Анемподист приехал в Тетеринское осенью 1966 года. Сначала он поселился в небольшой каменной палатке над входом в Успенский храм, составлявшей нижний ярус старой разобранной колокольни. Со временем, когда был расширен щитовой домик отца Поликарпа, старый отшельник перешел в отдельную угловую комнатку-келью. С приездом старца-молитвенника в тетеринском приходе стали быстро налаживаться дела [275].

Строгость отца Анемподиста вполне проявлялась и в Тетеринском. Многие прихожане побаивались сурового, молчаливого старца [276]. Он был преклонного возраста (87 лет), высокого роста, прямой, с твердой поступью. «Старый батюшка», как его стали ласково называть прихожане, казался очень строгим и неразговорчивым, держался обособленно, редко выходя из своей кельи [277].

В 1971 году областные власти наконец-то разрешили начать капитальный ремонт тетеринского храма. Батюшка Анемподист по силам своим помогал в ремонте отцу Поликарпу: вырезал стекла, шпаклевал стены, убирал голубиный помет за иконостасом летнего храма.

Много труда отец Анемподист вложил в благоустройство приходского кладбища. Несколько сотен лет на приходском кладбище хоронили умерших. В каждой могиле было захоронено несколько поколений родственников. Умерших хоронили в родовые могилы, но при копании не проявляли должного уважения к останкам своих предков. Многие кости и черепа выбрасывались из свежих могил и оставались на поверхности земли.

Батюшка Анемподист собирал человеческие кости по кладбищу и предавал их земле. Укладывая в яму каждую косточку, старец целовал ее. Он говорил, что это святые мощи, достойные поклонения и благоговейного отношения к ним [278].

Старец был необычайно скромн, никого не поучал, много молился. Никогда не выступал со своими нравоучениями. Если нужно было кого-то обличить, то отец Анемподист подходил к нему и начинал себя оговаривать грехами обличаемого: «Вот какой я! Что мне делать?!» – и человек понимал свои греховные ошибки. Когда в храме начался ремонт, к отцу Поликарпу стало приезжать много народа из разных уголков страны. Среди приезжих бывали размолвки и ссоры. «Старый батюшка» легко умел наладить мир между поссорившимися. Он был очень справедливым и правильным [279].

«Часто отец Поликарп, устав от забот, начинал впадать в ропот: "Кому это все надо, брошу все, уеду на Украину". А отец Анемподист его утешал: "Что ты, батюшка, куда еще ты поедешь? Ведь здесь место благодатное! Здесь небо отверстие! Здесь спасение обретешь! А ведь здесь еще монастырь будет, целая лавра!". Глядишь, и отец Поликарп успокоится», – вспоминала Александра Ивановна Гущина, девяностолетняя прихожанка Успенской церкви.

Особенно ощутима была молитвенная помощь батюшки. Александра Ивановна пишет в своих воспоминаниях об этом благодатном старце: «Мне пришлось участвовать в восстановлении тетеринского храма, а был он в плачевном состоянии от основания до куполов: внутри птицы летали и гнезда вили за иконостасом, несколько лет. Кто что заставит делать, то и делала. Вот за это время я и узнала отца Анемподиста ближе, стал он казаться не таким строгим, перестала его бояться. Он старался где мог помогать в работах. Однажды мне пришлось тащить что-то тяжелое и неудобное. Думаю: "Уроню и сломаю!". Вижу – отец Анемподист идет. Я к нему: "Отец Анемподист, помогите!". Он подхватил рукой и говорит: "Не могу. Простите, уроню...". Я удивилась и говорю: "Что вы? Двоим-то и не тяжело...". "Я стар и крепости нет. И в псалтири читаем: «Господи, не остави меня в старости, егда оскудеет крепость моя – не остави мене...». Простите меня, матушка...". Так мне стыдно было, запомнила – на свой аршин мерять нельзя!».

Много раз прихожане замечали необычайную помощь по молитвам отца Анемподиста. Он был непрестанным делателем умной молитвы и не любил праздные разговоры. Поначалу отец Анемподист обедал со всеми вместе, но

вскоре перестал приходить и обедал один в келье. Оказывается – не мог спокойно переносить смех за столом, считал это недопустимым. Ведь мы вкушаем милостыню и должны молиться «о принесших и о нихже принесоша» [280].

Очень почитал отец Анемподист творения епископа Игнатия (Брянчанинова) и все мечтал побывать «на Бабайках», где доживал жизнь святитель Игнатий. Несколько раз он просил близких: «Воздухом тем подышать бы. А может, и кедры сохранились еще, которые посадил он».

Когда приблизилось время окончания жизненного пути, в душе старца произошли некоторые изменения, прежняя строгость растворилась. За пару дней до кончины, когда он уже не вставал со своего одра, батюшка как будто преобразился. С его лица не сходила улыбка, со всеми приходившими к нему он ласково и подолгу беседовал, даже шутил, чего раньше себе никогда не позволял. В таком мирном и любвеобильном состоянии души он сказал своему воспитаннику: «Эх, Поликарп! Какой же я был дурак, что вел себя с людьми так строго!» [281].

Незадолго перед кончиной старец попросил прочитать ему рассказ Тургенева «Живые мощи». Он очень одобрял этот рассказ: «Вот у кого надо учиться с любовью терпеть наказание Божие!» [282].

Накануне своей блаженной кончины отец Анемподист говорил А. Гущиной: «Прошу Вас, Александра Ивановна, последить, как бы не сделала Маргарита [283] укола болеутоляющего, теперь это в моде». Батюшка говорил, что Иисус

Христос не такие страдания терпел на Кресте и не принял, что Ему предлагали, а мы за грехи не хотим и малой доли потерпеть. «А впрочем, какие это наши страдания! – говорил он. – И не такие бы надо!» [284].

В конце земного поприща чрезвычайно ярко проявлялся внутренний мир и душевный покой монахов, воспитанных на благочестивых примерах преподобных отцов. Показателем нравственной стойкости монашеского мирозерцания являлось их отношение к самому факту перехода в мир иной. Монахи смотрели на смерть как на переход в лучшую жизнь, приучая и подготавливая себя к этому моменту, считая, что смерть является лишь осуществлением извечных земных желаний – скорее прийти к Богу и соединиться с Ним. Из такого мировоззрения вытекало столь простое и спокойное отношение монаха к окончанию земной жизни. Монахи, отходя в мир иной, не испытывали чувства страха перед самим фактом смерти, скорее это был радостный трепет от скорой встречи с Всемогущим. В последние часы своей жизни монахи спокойно могли говорить о своей смерти, прекрасно осознавая свой скорый конец.

На рассвете 29 июля 1975 года, после молитвенного правила, старец Анемподист попросил отца Поликарпа составить список, кому необходимо будет сообщить о его кончине. Отец Поликарп послушно записал всех, кого продиктовал отец Анемподист. После проверки списка старец попросил своего воспитанника дать ему в руки свечку и начать читать «Правило на исход души». Иеромонах Поликарп стал противиться, но батюшка Анемподист напомнил ему о том, как старые братия Киево-Печерской Лавры молились у одра боль-

ных монахов, напутствуя их перед уходом в жизнь вечную. Отцу Поликарпу пришлось исполнить просьбу духовного наставника. С последним словом «отходной» в руках батюшки Анемподиста погасла свеча и он испустил дух [285].

Такой была блаженная кончина великого аскета-подвижника. Закончился земной путь киевского старца иеромонаха Анемподиста, пережившего разные испытания земного странствования – изгнания, притеснения, неприязнь, сохранившего при всех внешних обстоятельствах стремление к монашескому безмолвию, постоянное молитвенное предстояние пред Богом, удаление от мира с его утехами и соблазнами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всем известна огромная роль Киево-Печерской Лавры и ее подвижников в истории нашего Отечества. Лавра по справедливости считается очагом религиозно-нравственной и культурно-просветительной жизни российских народов и величайшей святыней православного мира. Мирная пристань душ человеческих, созданная преподобными Антонием и Феодосием под покровом Пречистой Богородицы, за время тысячелетнего существования «вынесла на своих плечах» по образу Христова крестоношения не одну тягостную бого-

борческую бурю и воспитала множество праведников, своей жизнью свидетельствовавших Истину Христову.

Подвижники Киево-Печерской Лавры сияли самыми разнообразными добродетелями. Все и всегда радостные, приветливые, они удивительно безропотно претерпевали бедность, постоянное изгнание и другие невзгоды. К сожалению, мир не замечал этих живых носителей древнего подвижничества наших дней.

Одним из ярких примеров христианского благочестия, воспитанного древнейшей русской обителью, стал современный последователь древних исихастов-молитвенников старец-иеромонах Анемподист (Васильев).

Родившись в бессарабском селе, будущий аскет получил от родителей прекрасное воспитание, наследовал прекрасное здоровье и выносливость. Монашеский образ жизни им был избран благодаря глубокому религиозному настрою родственников. Навыкнув с детских лет к молитве, постническому воздержанию и чтению духовных книг, будущий подвижник смог их полностью реализовать в последующей жизни.

Монах Анемподист стал одним из нескольких сотен насельников древнейшего русского монастыря. О его начальном монашеском периоде жизни сохранилось очень мало сведений, но жизнь батюшки была типичной для каждого из его сподвижников. Ему приходилось нести послушания на сельхозработах и ежедневно молиться за всех нуждающихся в духовной поддержке, многочисленные имена которых содержались в лаврских синодиках. В то время, ко-

гда Никон Васильев пришел в киевскую обитель, были сильны монашеские аскетические традиции, установленные многими отцами-подвижниками. Молодой послушник усердно впитывал поучения своих духовных наставников и свято исполнял их на протяжении всей своей долгой жизни.

Приняв постриг, молодой монах всецело оставил в прошлом все мирское. Его единственной целью в жизни было молитвенное соединение со Христом, стяжание непрестанной молитвы, безмолвия и всецелой покорности Божьему промыслу. Он был замкнут, малообщителен, стремился к уединению, внутренней непрестанной молитве и чтению душеполезных книг.

Воспитанный в духе смирения и монашеского послушания, углубленный во внутреннюю молитву, монах Анемподист хранил свой внутренний мир при всех внешних неблагоприятных условиях. Время тяжелых испытаний помогло найти главные духовные ценности в этом переменчивом мире. Он считал, что его главным делом на земле является стремление к молитвенному соединению со Христом. Он полностью уповал лишь на всеобъемлющую волю Господню и верил в Его благой промысл. Эта вера никогда не была посрамлена.

Стремление к уединению помогло отцу Анемподисту избежать арестов. С рассудительностью находя компромиссы во внешних обстоятельствах, он смог сохранить от всяческих повреждений свой внутренний мир, особо ярко проявившийся в подвижнике в последние годы его жизни.

Во время немецкой оккупации огромная религиозная сила, скрытая в сердцах верующего народа, бурно вырвалась из глубин. В Киеве открылся целый ряд храмов и монастырей. После восстановления монашеской жизни в Киево-Печерской Лавре отец Анемподист стал первым монахом, возвратившимся в родную обитель. Ему было поручено ответственное послушание смотрителя Ближних пещер и служение у престола Божия в пресвитерском сане.

Будучи духовником братии, иеромонах Анемподист смог внести ощутимый вклад в воспитание подвижников нового поколения и передать им духовные знания от своих благочестивых наставников. К тому же он сам был ярким примером древнего подвижничества.

Этот период короткой оттепели среди долгой духовной стужи советского богоборчества продлился пару десятков лет, и вновь репрессивный аппарат был направлен на служителей Христовой Церкви. По всей советской стране десятками закрывались храмы, монастыри, духовные школы. Не посчастливилось и Киевской Лавре.

Великим постом 1961 года древний монастырь вновь был ликвидирован. Монахи разошлись кто куда. Многие нашли себе приют в пустынных кельях в горах Абхазии. Вслед за другими киевскими монахами на Кавказ направил свои стопы и старец Анемподист.

Но преклонный возраст не позволил ему долго подвизаться среди кавказских пустынников, и старому подвижнику пришлось найти последнее пристанище

у своего воспитанника иеромонаха Поликарпа (Будаквы) в селе Тетеринском Нерехтского района Костромской области.

Архимандрит Поликарп многим своим духовным чадам говорил, что верит в то, что его наставник иеромонах Анемподист имеет великое дерзновение пред Господом, что он достойный угодник Божий и его мощи почивают нетленно. Во многих трудностях отец Поликарп сам приходил на могилу к отцу Анемподисту и других отправлял за духовной поддержкой и помощью. Доныне эта помощь не оскудевает: и сейчас многие приходят с мольбою на могилу к отцу Анемподисту и скоро получают необходимую помощь от Господа, как они верят, по молитвам батюшки.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М.Е. Губонин. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994.

2. Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии. / сост. Л.П. Рылкова. – Киев: Изд. Киево-Печерской Лавры, 2008.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1990.
4. Большой требник – СПб., 1995.
5. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006.
6. Воспоминания о монахе Кассиане / сост. Елена Петрова. – М., 2015.
7. Житие преподобного Антония Печерского, основателя русского монашества. – М., 1903.
8. Избранные жития русских святых (X–XV вв.). – М.: Молодая гвардия, 1992.
9. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М.: Изд. «Православный паломник», 1998.
10. Меркурий (Попов), монах. Записки пустынножителя. – М., 2016.
11. Настольная книга священнослужителя – М.: Изд. Московской Патриархии, 1983.
12. Никодимов И.Н. Воспоминания о Киево-Печерской Лавре. – Киев: Изд. Киево-Печерской Лавры, 1999.
13. О жизни схииархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. – М., 2002.
14. Старец Ахила (в схиме схииархимандрит Феодосий). Страницы жизни. – Почаев, 2013.

Литература

15. Александр (Могилев) архиепископ. Священномученик Никодим: жизнь, отданная Богу и людям. – Кострома, 2001.
16. Алексей (Дородницын), архиепископ // Православная энциклопедия. Т. I. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.
17. Антоний (Бутин), иеромонах. Архимандрит Поликарп (Будаква) // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009.
18. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008.
19. Воскресенский А.А. Памяти преосвященного Сергия, архиепископа Ярославского и Ростовского. (По поводу четырехлетней годовщины его кончины) // Костромские епархиальные ведомости. № 17. – Кострома, 1908.
20. Ионина Н.А. Святые обители православного мира. – М.: Русь-Олимп, Эксмо, 2009.
21. Кибальник Ю.Д. Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. – Киев: «Мистэцтво», 1984.
22. Лихачев Д.С. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и примечания // «Изборник». Сборник произведений литературы древней Руси. – М.: Изд. «Художественная литература», 1969.
23. Лукашевич К.И. Сеятель // Книга для чтения. – СПб.: Изд. Училищного совета при Св. Синоде, 1911.

24. Маслов Н.В. Амвросий // Православная энциклопедия. Т. II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.
25. Петренко М.З. Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник: Фотоальбом. – Киев: «Мистэцтво», 1982.
26. Поливанов А.А. Из дневника и воспоминаний 1907–1916 гг. Т. I. – М., 1929.
27. Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. М.: Изд. Московской Патриархии, 1988.
28. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть первая. – М.: Изд. Валаамского монастыря, 1996.
29. Цыпин В.А. Церковное право: 2-е изд.– М.: Изд. МФТИ, 1996.
30. Ювеналий (Половцев) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81. – СПб., 1904.

Неопубликованные источники

31. Авраамий (Куюва), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте (записаны 5 февраля 2016 года). – Рукопись, 2016.
32. Гущина А.И. Воспоминания об отце Анемподисте. – Рукопись, 2005.

33. Иоанна (Поветкина), монахиня. Воспоминания о кавказских подвижниках. – Рукопись. 2016.

Интернет-ресурсы

34. Амвросий (Булгаков) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?3_5956 (дата обращения 24.12.2016).

35. Исаюк Олеся. Неизвестная загадка: мог ли пятнистый тиф повлиять на национальную историю? – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua>. (дата обращения 12.01.2017).

36. Киево-Печерская Лавра – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drevo-info.ru> (дата обращения 12.01.2017).

37. Робак И. История Украины: Революция и гражданская война на территории бывшей подросийской Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/history_ukraine/04.php (дата обращения 27.12.2016).

38. Сергей (Ланин) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5723 (дата обращения 12.12.2016).

39. Ювеналий (Половцев) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_7454 (дата обращения 22.12.2016).

Примечания

1. Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии / Сост. Л.П. Рылкова. – Киев: Издание Киево-Печерской Лавры, 2008 (далее – Биографические сведения...).
2. Выписка из свидетельства о смерти.
3. Ныне Хотинский район Черновицкой области Украины.
4. Гущина А.И. Воспоминания о старце отце Анемподисте. – Рукопись, 1999. – Л. 3.
5. Среди разных писем у Гущиной А.И. сохранился адрес родственницы (вероятно, племянницы) отца Анемподиста Марии Ивановны Кущик: Черновицкая обл., г. Сокуряны, ул. Калинина, д. 20.
6. Анастасия переписывалась с отцом Анемподистом до 70-х годов минувшего столетия, во время его жизни в селе Тетеринском он получал посылки от своей сестры.
7. Православный церковный календарь. 2010. – М.: Изд. Московской Патриархии, 2009. – С. 67.
8. Тимощук Б.О. Північна Буковина – земля слов'янська. – Ужгород: «Карпати», 1969. – С. 175.
9. Мандзяк А.С. История Сокирянщины в документах и материалах: От первых упоминаний до 1812 года. «Сокирянщина», 2015. – С. 135–143.
10. Сокиряны // СЭС. – М.: «Советская энциклопедия», 1986. – С. 1239.
11. <http://ukrainaincognita.com/ru/chernivetska-oblast/sokyryanskyi-raion/sokyryany/sokyryany>
12. Там же.

13. Секуряны // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.
14. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/140526/Секуряны
15. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Царане>
16. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/140526/Секуряны
17. Там же.
18. Хотин // СЭС. – М.: «Советская энциклопедия», 1986. – С. 1463.
19. Монахиня Иоанна, подвизавшаяся в кавказских горах, вспоминала о нем как о человеке из княжеского рода. (Воспоминания монахини-пустынницы Иоанны (Поветкиной). Абхазия. Новый Афон. 02.12.2015).
20. Письма иеромонаха Анемподиста Киселеву М.И.
21. Из воспоминаний регента Успенской церкви села Тетеринского Никитиной Н.А. 27 июня 2005 года, село Тетеринское.
22. Лихачев Д.С. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и примечания // «Изборник» Сборник произведений литературы древней Руси. – М.: Издательство «Художественная литература», 1969. – С. 79.
23. Впервые пещеры Киево-Печерской Лавры упоминаются в «Повести временных лет» преподобного Нестора Летописца в летописи 1051 года.
24. Кибальник Ю.Д. Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник. – Киев: «Мыстэцтво», 1984.– С. 12.
25. Житие преподобного Антония Печерского, основателя русского монашества. – М., 1903. – С. 13.
26. Лукашевич К.И. Сеятель // Книга для чтения. – СПб.: Изд. Училищного совета при Св. Синоде, 1911. – С. 136.

27. Ионина Н.А. Святые обители православного мира. – М.: Русь-Олимп, Эксмо, 2009. – С. 105.
28. Кибальник Ю.Д. Указ. соч. – С. 13.
29. Ионина Н.А. Указ. соч.– С. 115.
30. Ювеналий (Половцев) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_7454
31. Сергей (Ланин) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_5723
32. Там же.
33. Там же.
34. Амвросий (Булгаков) [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. / Библиографическая база данных. – Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?3_5956
35. Маслов Н.В. Амвросий // Православная энциклопедия. Т. II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 141.
36. Там же.
37. Поливанов А.А. Из дневника и воспоминаний 1907–1916 гг. Т. 1. – М., 1929. – С. 147.
38. Митрополит Флавиан умер 4 (17) ноября 1915 года.
39. Об этом было напечатано в синодальной газете «Всероссийский церковно-общественный вестник» в ноябрьских номерах 1915 года.
40. Авраамий (Куюва), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016. – С. 2.

41. Никодимов И.Н. Воспоминания о Киево-Печерской Лавре. – Киев: Изд. Киево-Печерской Лавры, 1999. – С. 65.
42. Там же. – С. 65.
43. Там же. – С. 94.
44. Тот, кто проходил время искуса, не имел права носить монашеские одежды (Номоканон. Правило 80 // Большой требник. – СПб., 1995. – Л. 283).
45. Искус должен быть не менее 6 месяцев для знакомых кандидатов и не менее 3 лет для пришедших, неизвестных до времени прихода в монастырь настоятелю (Номоканон. Правило 80).
46. Подрясник – длинное, до пят, с наглухо застегнутым воротом одеяние с узкими рукавами (Настольная книга священнослужителя – М.: Изд. Московской Патриархии, 1983. – С. 110).
47. Скуфья – фигурный мягкий головной убор, состоящий из 4 сшитых клиньев, покрывающий глубоко до бровей голову. Складки надетой скуфьи образуют над головой знамение креста.
48. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 93.
49. Рясофор – первая степень монашества, ношение рясы и камилавки. Инок не дает невозвратных монашеских обетов послушания, нестяжания и безбрачия, но живет по правилам монастырской общины. Пострижение волос при посвящении в рясофор совершается, дабы «отъятием нечувственных власов соотложит и бессловесные мысли, и деяния, и сподобиться воспринять благое и легкое иго Господне и взять крест и последовать Владыке Христу» (Чин на одеяние рясы и камилавки, – М., 2010. – Л. 2).
50. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 93.
51. Там же. – С. 94.
52. Настольная книга священнослужителя. – М.: Издательство Московской Патриархии, 1983. – С. 361.

53. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 95.
54. Там же.
55. Биографические сведения... – С. 175.
56. Там же. – С. 180.
57. Там же. – С. 134.
58. Там же. – С. 241.
59. Там же. – С. 253.
60. Там же. – С. 226.
61. Там же. – С. 217.
62. Там же. – С. 158.
63. Там же. – С. 164.
64. Там же. – С. 174.
65. Там же. – С. 233.
66. Там же. – С. 186.
67. Там же. – С. 209.
68. Там же. – С. 261.
69. Там же. – С. 236.
70. Там же. – С. 235.
71. Там же. – С. 190.
72. Там же. – С. 221.
73. Там же. – С. 243.

74. Там же. – С. 202.
75. Там же. – С. 234.
76. Там же. – С. 200.
77. Там же. – С. 180.
78. Там же. – С. 202.
79. Там же. – С. 209.
80. Там же. – С. 234.
81. Там же. – С. 261.
82. Там же. – С. 274.
83. Синодик иеромонаха Анемподиста о упокоении. Рукопись середины XX века.
84. Гущина А.И. Воспоминания об отце Анемподисте. – Рукопись. – С. 1.
85. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 110.
86. Там же. – С. 12.
87. Там же. – С. 14.
88. Там же. – С. 101.
89. Там же. – С. 101.
90. Там же. – С. 85.
91. Там же. – С. 104.
92. Там же. – С. 45.
93. Там же. – С. 37.

94. Должностное лицо, наблюдающее за сохранностью здания храма и храмовых принадлежностей, отвечающее за поддержание внутреннего порядка, организацию и осуществление определенных вспомогательных действий богослужебного характера; церковный ключарь. От греч. «екклесия» – церковь.
95. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 70.
96. Там же. – С. 65.
97. Там же. – С. 69.
98. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. – Киев, 1913. – С. 439.
99. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.
100. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 170.
101. Биографические сведения... – С. 29.
102. Там же. – С. 30.
103. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 149.
104. Биографические сведения... – С. 91.
105. Там же. – С. 154.
106. Там же. – С. 29.
107. Иоанна (Поветкина), монахиня. Воспоминания о кавказских подвижниках. – Рукопись. 2016.
108. Биографические сведения... – С. 31.
109. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 143.
110. Биографические сведения... – С. 30.

111. Там же. – С. 20.
112. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 141.
113. Биографические сведения... – С. 89.
114. Там же. – С. 90.
115. Там же. – С. 32.
116. Робак И. История Украины: Революция и гражданская война на территории бывшей подросийской Украины [Электронный ресурс]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/history_ukraine/04.php
117. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 170.
118. Биографические сведения... – С. 20.
119. Там же. – С. 90.
120. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 176.
121. Биографические сведения... – С. 90.
122. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 178.
123. Там же.
124. Там же. – С. 93.
125. Для сравнения: в 1917 году было 585 насельников.
126. Биографические сведения... – С. 91.
127. Там же. – С. 53.
128. Там же. – С. 54.
129. Там же.
130. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 178.

131. Там же. – С. 179.
132. Там же.
133. Там же.
134. Биографические сведения... – С. 92.
135. Там же.
136. Там же. – С. 98.
137. Там же. – С. 92.
138. Там же. – С. 63.
139. Там же. – С. 92.
140. Там же. – С. 93.
141. Там же.
142. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 185.
143. Биографические сведения... – С. 98.
144. Там же. – С. 63.
145. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 186.
146. Там же. – С. 185.
147. Биографические сведения... – С. 106.
148. Там же. – С. 106–107.
149. Там же. – С. 63.
150. Там же. – С. 65.
151. Там же.

152. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 192.
153. Там же. – С. 185.
154. Биографические сведения... – С. 66.
155. Там же. – С. 69.
156. Там же. – С. 55.
157. Там же. – С. 74.
158. Там же. – С. 66.
159. Там же. – С. 95.
160. Там же. – С. 96.
161. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 192.
162. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.
163. Биографические сведения... – С. 119.
164. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 195.
165. Биографические сведения... – С. 57.
166. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 199.
167. Биографические сведения... – С. 131.
168. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 203.
169. Там же. – С. 119.
170. Там же. – С. 201.
171. В схиме Глеб. Умер 5 мая 1944 года.

172. Биографические сведения... – С. 97.
173. Там же. – С. 136.
174. Там же. – С. 108.
175. Там же. – С. 122.
176. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 202.
177. Там же. – С. 122.
178. Там же. – С. 198.
179. Биографические сведения... – С. 123.
180. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 196.
181. Биографические сведения... – С. 58.
182. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 203.
183. Там же.
184. Там же.
185. Биографические сведения... – С. 57.
186. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 202.
187. Там же. – С. 203.
188. Там же. – С. 202.
189. Биографические сведения... – С. 122.
190. Там же. – С. 123.
191. Киево-Печерская Лавра – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drevo-info.ru>.
192. Была найдена археологами в 1978 году.

193. Биографические сведения... – С. 123.
194. Там же.
195. Там же. – С. 58.
196. Никодимов И.Н. Указ. соч. – С. 204.
197. Биографические сведения... – С. 123.
198. Там же. – С. 136.
199. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 82.
200. Воспоминания отца Н. // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 30.
201. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.
202. 2 (15) ноября – память святых мучеников Акиндина, Пигасия, Аффония, Елпидифора и Анемподиста.
203. Воспоминания отца Н. // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 30.
204. Там же.
205. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 68.
206. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.
207. Биографические сведения... – С. 125.
208. Там же. – С. 132.
209. Там же. – С. 122.
210. Там же. – С. 125.
211. Там же. – С. 126.

212. Там же.
213. Старец Ахила (в схиме схиархимандрит Феодосий). Страницы жизни. – Почаев, 2013. – С. 50.
214. Биографические сведения... – С. 142.
215. Там же. – С. 136–137.
216. Там же. – С. 136.
217. Там же. – С. 126.
218. Там же. – С. 137.
219. Антоний (Бутин), иеромонах. Архимандрит Поликарп (Будаква) // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 24.
220. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 39.
221. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.
222. Биографические сведения... – С. 84.
223. Там же. – С. 85.
224. Здесь – воинствующий (укр.).
225. Биографические сведения... – С. 85.
226. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 85.
227. Биографические сведения... – С. 108.
228. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 84.
229. Там же. – С. 87.

230. Антоний (Бутин), иеромонах. Архимандрит Поликарп (Будаква) // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 24.
231. Биографические сведения... – С. 85.
232. Там же.
233. Там же. – С. 86.
234. Там же.
235. Из Киево-Печерской Лавры отцом Анемподистом были вывезены многие святыни: напрестольное евангелие в серебряном окладе, усыпанном камнями; кадило в форме лаврского Успенского собора, богослужебные книги, сборники нот, многие литографические иконы, напечатанные в Лавре, и особый чемоданчик с богослужебными принадлежностями. Все эти святыни отец Анемподист привез в Тетеринское для сохранения, надеясь после открытия в Киеве монастыря вернуть их в Лавру.
236. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 41.
237. Биографические сведения... – С. 87.
238. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 91.
239. Старец Ахила (в схиме схиархимандрит Феодосий). Страницы жизни. – Почаев, 2013. – С. 69.
240. Воспоминания о почаевском старце архимандрите Ахиле. – Киев, 2006. – С. 88.
241. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 43.
242. Биографические сведения... – С. 148.
243. Был безрукий, грамотный. Нес послушание секретаря. Родом из Москвы.
244. Авраамий (Куява), архимандрит. Воспоминания о иеромонахе Анемподисте. (Записаны 5.02.2016). – Рукопись. 2016.

245. Антоний (Бутин), иеромонах. Архимандрит Поликарп (Будаква) // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 24.
246. Кавказских отшельников окормляли два духовника: глинский старец схиигумен Серафим (Романцов), который служил священником в сухумском соборе, и настоятель Покровского храма села Лыхны иеромонах Симеон (Нестеренко).
247. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 159.
248. Меркурий (Попов), монах. Записки пустынножителя. – М., 2016. – С. 267.
249. Воспоминания архидиакона Пимена.
250. О жизни схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. – М., 2002. – С. 39.
251. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 188.
252. Меркурий (Попов), монах. Записки пустынножителя. – М., 2016. – С. 267.
253. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 158.
254. О жизни схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. – М., 2002. – С. 42.
255. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 161.
256. Там же. – С. 96.
257. Там же. – С. 161.
258. Брат-пчеловод, автор записок о кавказских пустынниках (1919–1996).
259. Почаевский старец схиархимандрит Феодосий (1906–2003).
260. Ныне архидиакон одесского Успенского монастыря.
261. Схиархимандрит Виталий (Сидоренко, 1928–1992), больной туберкулезом.
262. Схимонах Кассиан (1927–2012).

263. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 121.
264. Меркурий (Попов), монах. Записки пустынножителя. – М., 2016. – С. 13.
265. Там же.
266. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 147.
267. Там же. – С. 148.
268. Меркурий (Попов), монах. Записки пустынножителя. – М., 2016. – С. 272.
269. О жизни схиархимандрита Виталия. Воспоминания духовных чад. Письма. Поучения. – М., 2002. – С. 40.
270. Воспоминания о монахе Кассиане / сост. Елена Петрова. – М., 2015. – С. 40.
271. Мф. 7, 1.
272. По воспоминаниям архидиакона Пимена.
273. Иеромонаха Мардария и монаха Ахилу уехать в горы Кавказа благословил отец Анемподист.
274. Меркурий (Попов), монах. В горах Кавказа. – М., 2007. – С. 212.
275. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 42.
276. Воспоминания отца Н. // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 30.
277. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 43.
278. Там же.
279. Там же.
280. Там же.

281. Воспоминания отца Н. // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 30.

282. Антоний (Бутин), иеромонах. Из истории Успенского храма села Тетеринского // Костромские епархиальные ведомости. № 3. – Кострома, 2008. – С. 44.

283. Фельдшер.

284. Антоний (Бутин), иеромонах. Архимандрит Поликарп (Будаква) // Живой родник. № 9–10. – Донецк, 2009. – С. 30.

285. Там же.